

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Уральское отделение Российской академии образования
Академия профессионального образования

Е.В. Попова

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОРМЫ

Монография

Екатеринбург
2008

УДК 124. 52

ББК Ю 2

П 58

Попова Е. В. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы [Текст]: моногр. / Е. В. Попова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 122 с.

ISBN 978-5-8050-0335-7

В монографии исследуется актуальная философская проблема онтологической и гносеологической специфики нормы. В центре внимания автора находится рассмотрение сущности, структуры и особенностей функционирования нормы.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам высших учебных заведений, всем, интересующимся проблемами философии.

Рецензенты: доктор философских наук, профессор С. З. Гончаров (ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»); доктор философских наук, профессор С. Ф. Денисов (ГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0335-7 © ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2008

© Е. В. Попова, 2008

Предисловие

Одной из глобальных проблем, стоящих сегодня перед человечеством, является проблема обеспечения устойчивого развития общества в условиях радикально меняющегося бытия. В современном российском социуме происходят сложнейшие кризисные процессы, связанные с глубинными изменениями во всех сферах жизни. Одним из проявлений этого кризиса является упадок, охвативший нормативные системы и породивший аномию и, как следствие, вырождение социальных норм, которые уже не справляются со своей главной функцией – регулированием человеческого поведения. В связи с этим чрезвычайно актуальным является теоретическое исследование норм.

Поведение людей всегда регулировалось нормами. Нормы, пришедшие на смену инстинктивно-биологической адаптации и внутрине-родовой регуляции, обеспечивали целостность и стабильность общества. Деятельность людей, их поведение и отношения в современном мире характеризуются невероятной сложностью. А регулирующие их нормы являются противоречивыми, оторванными друг от друга. Они плохо вписываются в систему норм и ценностей как в разных государствах, так и внутри одной страны, и даже отдельной социальной группы, что служит источником несогласованных действий, принятия неверных решений.

Сознание современного человека, утратившего привычные ценностные ориентиры, напряженно ищет новые опоры, которые определяют целостность и самодостаточность личности, ее жизненное смысловое пространство. Отказ общества от жесткой регламентации индивидуальной человеческой жизни, от разрушительного вмешательства во внешний и внутренний мир личности привел, с одной стороны, к утрате способности поддерживать порядок и воспроизводить общекультурные нормы и способы подавления отклоняющегося поведения, а с другой – к выдвижению в качестве системы ориентиров, регулирующих деятельность людей, антиценностей и антинорм. Из тревог и озабоченности человека по поводу своего положения в природе и обществе вытекает необходимость осмысления и изме-

нения стратегических норм и ценностных приоритетов. Отсюда особую актуальность приобретает философское исследование норм в их целостности.

Нормы и ценности, являясь продуктом имеющихся противоречий и отражением реалий бытия, должны пересматриваться всякий раз, когда эти реалии меняются. Следует менять индивидуальную и массовую мораль, нормы международного, уголовного и гражданского права, добиваясь их непротиворечивости. Для этого следует изучать не только общие идеи и культурные «ответы», обусловленные отдельными нормами и ценностями различных сообществ, но и сами нормы, их генезис, функционирование, механизм трансформации, критерии согласованности. Таким образом, исследование онтологической и гносеологической специфики нормы является важным для понимания духовного кризиса современного российского общества и нахождения путей выхода из него.

В настоящее время, несмотря на обращение представителей различных наук к вопросам, связанным с изучением норм, решение указанных выше проблем невозможно без рассмотрения норм как таковых с позиций онтологии и гносеологии. Именно философия в состоянии дать целостное представление о нормативном, – это законный предмет философского исследования.

Введение

В мировой философской литературе проблематика норм является одной из ведущих. Изучение соотношения добра и зла, красоты, истины и ее критериев пронизывают всю историю философии.

Проблема нормы возникла еще в глубокой древности, когда мыслители начинали разрабатывать свои нравственные учения. Философы разных времен и народов независимо друг от друга формулировали знаменитую моральную норму, которая получила название «золотого правила» нравственности. Еще мудрец Вьяса, которому традиция приписывает авторство знаменитой эпической поэмы «Махабхарата», сказал: «Не делай другим того, что неприятно тебе самому» [230, с. 430]. У Конфуция в связи с пояснением смысла понятия «жэнь» есть аналогичное высказывание: «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды» [249, с. 176–177]. Новый Завет словами апостола Павла призывает: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [30, Матф. 7:12]. Философская формулировка «золотого правила» содержится у И. Канта в его категорическом императиве [115, с. 260].

Философский подход к изучению норм осуществлялся в трех направлениях:

- 1) правовом и этическом;
- 2) аксиологическом;
- 3) логическом.

В целом в классической философской мысли, начиная с Античности и до Нового времени включительно (Аристотель, Т. Гоббс, И. Кант, М. Монтень, Платон, Б. Спиноза, Д. Юм и др.), наиболее распространенным было исследование норм на стыке теории государства и права с теорией нравственности [7–9, 60, 112–116, 188, 217, 218, 260, 304–306].

Аксиологическое исследование нормативного долго осуществлялось за рубежом и в России лишь в рамках философских школ идеалистического и религиозного направлений. Именно в конце XIX – начале XX столетия в связи с анализом ценностей, в которые воплощаются социальные нормы, стало проявляться особенно сильно внимание к проблеме нормативного.

В конце XIX в. основоположник философии ценностей Рудольф Герман Лотце оказал своими идеями заметное влияние на феноменологическую аксиологию (через Э. Гуссерля), а его нормативно-логическое истолкование знания – на неокантианство (в лице Г. Риккерта). В своей работе «Микрокосм» Г. Лотце (следуя за идеей И. Канта о нахождении ценностей в мире целей) в соответствии с разделением на «царство целей» и «царство средств» разделял мир ценностей (и норм в том числе) на мир «должностных ценностей» и «мир явлений», фактов и анализировал их взаимодействие. В рамках феноменологической философии Эдмунда Гуссерля становится возможной «формальная аксиология» по аналогии с формальной логикой. Э. Гуссерль в первом томе своих «Логических исследований» высказывал ценные идеи для понимания природы норм [264].

В рамках неклассической западной философии рассматривались авторитарные нормы, проблемы генезиса норм, их место в обществе (В. Виндельбанд, Ф. Ницше, Г. Риккерт). Ницше в «Генеалогии морали», продолжая анализ ценностных понятий добра и зла, сделанный в предыдущих работах «По ту сторону добра и зла» и «Так говорил Заратустра», задается вопросом: «При каких условиях изобрел человек себе эти суждения ценности – добро и зло и какую ценность имеют они сами?» [201, с. 410]. Философ утверждает, что «сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос» [201, с. 412]. Неокантианцы Генрих Риккерт и Вильгельм Виндельбанд пошли дальше Ф. Ницше, который считал долг лежащим в основе ценностей. Они фактически сводили все ценности к нормам и должностованию [235, 264].

На рубеже XIX–XX вв. отечественные философы (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Л. Франк) исследовали норму как таковую, ее природу [25–27, 103–105, 159–161, 258, 278–279]. Более близкие нам во временном отношении М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Л. Н. Столович и другие мыслители затрагивали вопросы нормативного в основном в рамках эстетической аксиологии [23, 155–158, 264, 265].

Зарубежные и отечественные логики сделали нормы объектом своего исследования, начиная с 20-х гг. прошлого столетия (деонтическая и модальная логика). Й. Йоргенсен, Э. Мали, К. Менгер предприняли первые попытки построить специальную логическую теорию нормативного рассуждения. Эти ученые исследовали в основном им-

перативы или команды, которые являются структурно простыми (типа «Не шумите!», «Ложитесь спать!» и т. п.), при этом совершенно игнорировали структурные различия между нормами разных видов [96]. В начале XX в. в России данная проблематика поднималась Л. И. Петражицким в связи с функционированием и классификацией правовых норм [216]. В 1950-е гг. сначала финский логик Г. фон Райт в работе «Деонтическая логика», а затем А. Андерсон и А. Прайор в своих трудах открыли следующий этап в развитии логики норм, которая стала ориентироваться главным образом на моральные нормы [96].

Начиная с 60-х гг. XX в., в философской литературе появляется ряд работ, в которых исследуются нормы. Л. М. Архангельский, М. Блхова, Л. П. Буева, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, И. Я. Лойфман, А. И. Титаренко, В. П. Тугаринов и другие теоретики в области этики изучают генезис моральных норм [31, 38, 39, 68–71, 82–84, 74, 75, 267, 271].

В рамках нормативной логики делается ценностно-логический срез проблемы норм. Исследователи (В. Е. Ермолаева, А. А. Зиновьев, А. А. Ивин, Ю. В. Ивлев, В. О. Лобовиков и др.) обращаются не только к моральным и правовым, но и к другим, сложным по своей структуре и своим связям, социальным нормам [87, 92, 94–97, 99, 150].

Рядом теоретиков, среди которых В. Брожик, Ю. И. Мирошников, Н. Неновски, В. И. Плотников и др., предпринимается аксиологический анализ нормативного [37, 74, 75, 183, 184, 198], а такие философы, как М. И. Бобнева, В. С. Нерсисянц, Е. М. Пеньков, В. А. Подкорытов, Б. А. Урванцев и др., анализируют регулятивную функцию социальных норм [32–34, 199, 200, 212, 213, 221, 272, 273].

Несмотря на доминирование в исследованиях нормативного этико-правового, аксиологического и логического направлений, у ряда философов (Аристотель, Т. Гоббс, С. А. Даштамиров, Л. В. Денисова, Ю. В. Ивлев, И. С. Кувшинов, В. О. Лобовиков, Платон, Б. Спиноза, В. А. Титов и др.) встречаются элементы онтологического и гносеологического подходов [7–9, 60, 73, 78, 99, 100, 132, 150, 217, 218, 260, 268]. Однако, глубоко дискуссионными остаются как онтологическая проблема целостного анализа нормы, ее генезиса, функционирования и развития, так и гносеологическая проблема критерия согласованности норм; в теории норм не использованы пока подходы, имеющиеся в гносеологии. Постановка проблемы адекватности нормативного

возникала в рамках логики как констатация адекватности нормы относительно некоторого высказывания, однако, был лишь намечен ряд идей, а сам вопрос не подвергался детальному философскому анализу.

Необходимость исследования была обусловлена недостаточной изученностью норм как таковых с онтологической и гносеологической точек зрения. Эта проблема может быть сформулирована в двух вопросах: «Каково диалектическое взаимодействие между нормой в ее идеальном бытии и нормой в действии?» и «В чем заключается специфика нормы как формы знания?».

Для реализации главной цели исследования, которой является анализ онтологического и гносеологического аспектов проблемы нормативного, потребовалось решить ряд задач:

- выявить имеющиеся подходы к трактовке понятия нормы и определить его смысловую нагрузку, исходя из места и роли нормативного в человеческой деятельности;
- описать и проанализировать соотношение сущего и должного в норме, сопоставив ее с рядом родственных терминов: идеал, ценность, оценка, цель, стандарт, стереотип, эталон, мера, алгоритм;
- рассмотреть существующие классификации нормативного и дать системную типологию норм с точки зрения деятельностного подхода к сущности человека;
- выделить основные формы бытия нормы и выяснить характер взаимодействия между нормой в ее идеальном бытии и нормой в действии, рассмотрев вопросы генезиса, функционирования и развития норм;
- проанализировать возможность применения к нормам подходов, имеющих в гносеологии, рассмотрев соотношение понятия «адекватность» с терминами «истинность», «правильность», «праведность»;
- исследовать критерии и уровни адекватности норм, условия ее формирования.

В данной монографии нормы рассматриваются с позиций единства онтологии, гносеологии и аксиологии. Для решения поставленных задач использованы:

- диалектический метод в качестве общей методологической основы, который позволил, во-первых, раскрыть онтологическую специфику объекта, обнаружив неоднозначность и противоречивость бытия нормы в целом и взаимоотношения должного и сущего в ней самой в частности, а во-вторых, исследовать гносеологическую специфику

нормы, проанализировав адекватность норм после выявления содержательных аналогий с характерной для теории познания проблемой истины и ее критерия;

- деятельностный подход к пониманию человека, который применялся для анализа ценностей и норм и позволил рассмотреть существующие концепции, а также, исходя из глубокой внутренней связи аксиологии и гносеологии, изучающих разные аспекты – оценочный и познавательный – единой человеческой деятельности, ассимилировать их результаты для решения поставленной проблемы;

- принцип единства исторического и логического, который дал возможность выявить логическую закономерность историко-философского исследования проблем нормативного.

Реализация задач научного исследования потребовала широкого применения историко-философского материала. Фундаментом послужили идеи тех мыслителей прошлого и современности, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку проблем, поставленных в качестве предмета анализа в монографии.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для прояснения онтологической, гносеологической и аксиологической проблематики, связанной с изучением нормативного. Проведенная работа по исследованию причин и истоков появления того или иного вида нормативного, особенностей функционирования норм как феноменов сознания и практической деятельности людей может способствовать инициированию культурных ответов, способных обеспечить выживание и развитие как российского, так и мирового сообщества. Наконец, полученные выводы могут быть использованы для разработки и чтения курсов философии, культурологии, религиоведения, этики, аксиологии и философской антропологии, а также спецкурсов в процессе преподавания философских дисциплин.

ОНТОЛОГИЯ НОРМЫ

Факт разнообразия человеческого поведения не вызывает сомнения. Тем не менее справедливо рассматривать взаимоотношения и взаимодействия человека с окружающими людьми и миром в целом как типизированные. Это означает, что поведение людей в схожих условиях, несмотря на имеющиеся различия, обладает целым рядом общих черт, аспектов, сторон. Индивидуальность, непохожесть, вариативность поведения (при всей важности перечисленных характеристик) не безграничны.

Потребности людей в общении, необходимость объединения их в многочисленные группы для осуществления каких-либо видов результативной деятельности и т. п. вызывают появление в поведении людей типизированных, унифицированных черт, тем самым вырабатываются определенные схемы, стандарты поведения, мышления, общения. Эта тенденция неизбежно приводит к тому, что каждое общество, поскольку оно желает оставаться целостным, определяет, задает поведение своих членов, вырабатывает некие модели поведения, которые впоследствии предписываются как обязательные (или желательные, в зависимости от степени их строгости).

Таковыми стандартами, моделями, программами поведения являются различные нормативные системы, некие совокупности правил, которыми должны руководствоваться люди в различных сферах своей деятельности и в своем повседневном поведении, чтобы сообщество сохранилось как целое, а отдельные индивиды достигали поставленных целей, определенного результата.

Прежде всего, необходимо выяснить содержание понятия «норма», поскольку его употребление в литературе различных научных направлений не является однозначным. Оно занимает центральное место в этике и праве, является ключевым для эстетики, лингвистики, логики, без него нельзя обойтись в социологии и психологии, экономике и этнографии, медицине и биологии, технических дисциплинах и т. д. Все эти направления и дисциплины, активно используя понятие нормы, вкладывают в него различное содержание, точнее подчас односторонне акцентируют внимание на той или иной смысловой нагрузке, которую несет этот термин.

§ 1. Понятие «норма»: основные подходы к смыслу

Этимологически слово «норма» происходит от латинского *norma*, которое переводится как «мерило, руководство, правило, закон, образец» [140, с. 451].

В рамках *нефилософского подхода* термин «норма» имеет несколько значений¹. Во-первых, это «*установленная* (здесь и далее выделено мной. – Е. П.) мера, размер чего-либо» [254, с. 1399–1400], «средняя величина чего-нибудь» [252, с. 346]. Во-вторых, его значение сводится к обычному состоянию чего-либо, т. е. норма понимается как «обычай, установленный порядок» [254, с. 1399–1400]. И наконец, третье значение связано с поведением людей; в этом смысле норма – это «общепризнанное узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе» [254, с. 1399–1400], «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь» [252, с. 346]. Используемые в данном случае словарные статьи фиксируют значение понятия «норма» в разговорном языке и отражают очевидную нечеткость словоупотребления: выделенные слова указывают на акцентирование момента *установленности* людьми (размера, порядка, правила). Само понятие «установленность» трактуется, как минимум, двояко: объективно выявлено (или установлено в процессе исследования, т. е. речь идет о классе объективных явлений) и установилось постепенно, стихийно (в смысле «так сложилось»); установлено кем-то в качестве правила. Кроме того, второй и третий смыслы термина «норма» фактически сливаются, поэтому рассмотрим два основных его значения.

Первое значение понятия «норма» сводится к фиксации так называемого нормального состояния какого-либо объекта, т. е. существует некое описание различных его характеристик, соответствие которым воспринимается как закономерное, постоянное. Отклонение от указанных характеристик (несоответствие им) воспринимается как исключительное, случайное состояние, требующее вновь упорядочения, приведения к норме, а также выяснения причин, приведших к отклонению. Это толкование выводит исследователя на дихотомию

---

¹ Изначально нам пришлось отказаться от анализа узкоспециальных трактовок понятия нормы, даваемых некоторыми науками, например, математикой, где под нормой имеется в виду «обобщение понятия абсолютной величины числа» [177, с. 416].

«норма – аномалия» или «норма – патология». Проанализируем данный, широко распространенный в литературе многих научных направлений смысл термина «норма».

В первую очередь он широко встречается в естественнонаучной литературе, где за понятием «норма» стоит тип массовидного процесса, т. е. того, что «уже сложилось и давно бытует в действительности» [128, с. 783]. В этой трактовке акцент делается на характеристике нормы как *сущего*. То, что норма сводится к сущему, практически вытекает из следующего подхода к анализу нормального функционирования системы: это такое функционирование системы, которое «отвечает ее природе и основным свойствам, оптимально или по меньшей степени допустимо для данного процесса, явления, института» [134, с. 23].

Схожий подход существует, например, в психологии и психиатрии. Так, различают два основных направления исследований: нормативную и клиническую психологию. С точки зрения Л. С. Выготского, задача нормативной психологии является чисто вспомогательной. Ученый считал ее одним из вариантов симптоматологии развития, отмечая, что задача научного изучения симптома – «не только описание его, но и определение его с точки зрения отклонения от постоянных величин... выведение индексов, показателей и прочих относительных величин, оценка отклонения в сигмах того или иного признака от стандартной величины» [50, с. 312–313].

Для специалистов, занимающихся исследованиями в рамках данных дисциплин, самым распространенным является понимание нормы, с одной стороны, как чего-то среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы, а с другой стороны, как наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде. Такое понимание глубоко коренится в обыденном сознании, согласуясь со здравым смыслом. В соответствии с этим нормальное и общепринятое по отношению к определенным видам деятельности или поведения отождествляется. Это *статистически-адаптационный подход*.

В рамках данного подхода, как уже было отмечено, норма понимается двояко. Во-первых, как «отсутствие или слабая, не мешающая социальной адаптации выраженность болезненных явлений, их относительная скомпенсированность». При этом патология воспринимается как некое «увеличительное стекло, сквозь которое становится явно заметным, гипертрофированным и потому легко обозримым скрытое от

нас в норме» [36, с. 68]. Другими словами, норма интерпретируется как отсутствие недостатков, а не присутствие достоинств.

Во-вторых, очевидно, что наряду с таким пониманием «от противного» необходимо и позитивное толкование нормы. Так, психологический анализ разных уровней проявления человеческого поведения рисует в целом картину его нормы. Человек нормальный (*homo normalis*) предстает как человек уравновешенный, что означает следующее:

- в физическом плане он обладает хорошим здоровьем, включая любовь к физическим усилиям и умение сопротивляться усталости;
- в сексуальном и аффективном плане он проявляет гармонические интимные отношения с другими людьми, что предполагает незакомплексованную заботу об удовлетворении своих потребностей и внимание к чувствам и потребностям партнера;
- в интеллектуальном плане он имеет хорошие умственные способности, направленные на быстрый переход от мысли к делу и ориентированные на факты (не витает в облаках), однако не лишённые воображения и поиска нетрадиционных путей решения задач;
- в нравственном плане у него есть чувство справедливости, которое сопровождается объективностью;
- в личностном плане он характеризуется оптимизмом, добродушием и жизнерадостностью и т. д. [61].

В психологии (и на обыденном уровне) «ненормальным» считают человека, поведение которого идет вразрез с ценностями, привычками или установками других людей. И чем реже встречается та или иная форма отклонения, тем больше вероятность, что ее будут воспринимать как аномальную. Статистический критерий позволяет делать вывод, что «от 2 до 3% людей по обе стороны от того большинства, которое ведет себя более или менее “нормально”, окажутся людьми, соответственно, “слишком” или “недостаточно” общительными, беспокойными, организованными».

В соответствии с другим критерием поведение человека считается «тем “ненормальнее”, чем больше опасности оно будет представлять для самого человека или для окружающих» [61, с. 125]. Справедливости ради надо отметить, что, судя по статистическим данным, человеческая природа, скорее всего, соответствует той психической зоне, в которой пребывает 70% всего населения Земли.

И эта зона располагается между полюсами психической уравновешенности (25–30%) и патологии (аномалия составляет 2–5%) [61, с. 127]. Таким образом, оказывается, что нормой в смысле наиболее распространенной формы поведения является не «нормальное» поведение, а пограничное, промежуточное, отклоняющееся. Однако общепризнанным все же считается отмеченное выше толкование.

Характерный для естественнонаучной литературы статистически-адаптационный подход к нормативному встречается и в обществоведческой литературе. Например, в юриспруденции можно встретить следующее понимание социальных норм: это такое поведение, которое выражает типичные социальные связи и отношения, характерно для большинства представителей данного класса или социальной группы, одобряется ими и встречается наиболее часто [308, с. 19–34]. Объяснить данное толкование можно тем, что социальное поведение, называемое нормальным, встречается чаще, чем аномальное, патологическое. Данный взгляд тоже воспроизводит трактовку нормы как *сущего*.

Близким к рассмотренной точке зрения является *культурно-релятивистский подход*. Он характерен для исследований по этнографии. Ученые-этнографы, изучающие стандарты поведения отдельных социальных групп и народов, считают такую форму поведения проявлением нормативного. Так, К. С. Сарингулян отмечает: «Любая единица аккумулируемого и транслируемого традицией социального опыта, или, иначе говоря, любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности... обеспечивает его массовое приятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма» [246, с. 190–191].

К понятию «стандарт» примыкает термин «стереотип». Между стереотипами поведения и нормами также много общего. Скажем, само содержание понятия стереотипа поведения совпадает с родовым понятием нормы: «Под стереотипами поведения понимаются устойчивые, регулярно повторяющиеся нормы поведения. Это своего рода штампы; шаблоны, образцы поведения, принятые в той или иной культуре» [300, с. 3]. Эти феномены являются воплощенными, транслируемыми через механизм обычая нормами. Каждое конкретное поколение их не выбирает, а принимает как единственно возможную форму поведения.

Такой взгляд на норму в целом может быть сведен к понятиям «стереотипные формы поведения», «стандарты поведения». В качестве

объекта изучения, как правило, выступают обряды и обычаи, хотя, безусловно, этими последними не ограничивается та совокупность поведенческих стандартов, которая вырабатывается в любом обществе.

Для многих сфер человеческой деятельности, например, сферы общения (в частности этикета), социализации индивидов, технологических процессов (трудовые навыки и приемы), игрового поведения и пр., одним из характерных признаков является стандартизация форм поведения. Совокупности норм поведения различных коллективов могут отличаться довольно сильно. Типизировано, например, профессиональное поведение: воин, охотник, крестьянин и т. д. Различно поведение по половозрастным признакам: поведение детей, взрослых, стариков, мужчин и женщин. По этническому признаку отличаются нормы поведения людей разных наций и, еще шире, разных типов культур (например, восточной и западной). Учитывая критерий исторического времени, можно отметить различия в поведении первобытного, средневекового и т. д. человека. При этом следует иметь в виду, что «реальное поведение человека – всегда синтез нескольких типов, нескольких программ» [17, с. 8].

Анализируемый культурно-релятивистский подход, как уже отмечалось, близок к статистически-адаптационному и, по сути, является его разновидностью, поскольку рассматривает поведение людей с точки зрения соотнесения особенностей культуры определенных социальных групп, к которым принадлежат индивиды [36], констатируя норму и патологию. При этом норма с точки зрения одной культурной линии оказывается патологией с точки зрения другой. В макромасштабе такими двумя линиями можно считать культуры Востока и Запада, а различные социальные группы, слои – это микромасштаб.

Таким образом, первая из рассматриваемых трактовок термина «норма» сводит его к характеристике фактического положения вещей, не столько к тому, что должно быть, сколько к тому, что уже есть, к реально существующей разновидности событий, наблюдаемых с достаточно высокой частотой, т. е. к *сущему*. Всякое отклонение от нормы в этом смысле является исключительным. И все приведенные выше примеры (с их вариациями) относятся к первому значению понятия «норма», поскольку в них норма характеризует некоторый класс явлений, у которых основной классифицирующий признак одинаков, остальные варьируются.

Второе значение понятия «норма» заметно отличается от рассмотренного выше. Еще великий исследователь русского языка В. И. Даль писал, что норма – это «общее правило, коему *должно* (выделено мной. – *Е. П.*) следовать во всех подобных случаях, образец или пример» [72, с. 555], подчеркивая тем самым, момент *долженствования*.

При изучении проблемы нормативного многие авторы, в большинстве своем обществоведы, делают акцент на аспекте долженствования. То есть норма предстает как должное, а не сущее, не столько как реально бытующее, сколько как желаемое и предписываемое социальной средой. Предпочтение отдается исследованию нравственных и правовых норм. Речь идет только о деятельности и поведении людей, т. е. о *социальных нормах* как положениях, регламентирующих отношения людей друг к другу и к обществу. Эти отношения определяются правилами и образцами действий, с помощью которых, например, «обеспечивается упорядоченность, регулярность социального взаимодействия индивидов и групп» [277, с. 441].

Именно социальным нормам, главной функцией которых является регулирование поведения, взаимоотношений и деятельности отдельных индивидов, социальных групп и общностей, уделяет свое основное внимание значительная часть авторов. «Как идея танца выражается в самом танце, так и идея нормы (или норма как идея) выражается, проявляется в нормированном поведении» [198, с. 88–89]. Подобное регулирование, нормирование осуществляются на основе некоторых представлений о должном. Поэтому часто норму трактуют как «способ выражения должного», его форму, выделяя деонтическое содержание норм [198, с. 106]. Эта точка зрения доминирует в одном из направлений экономической науки, называемом «нормативная экономическая теория». Последняя основана «на оценочных суждениях людей относительно того, какой должна быть экономика» [166, с. 391].

Выше отмечалось, что в юриспруденции социальные нормы в целом могут относиться к сфере сущего. Однако, когда речь заходит о собственно правовой норме, она «представляет собой общее правило поведения, которое от других норм в обществе отличается общеобязательностью, строгой (формальной) определенностью по содержанию, принудительностью» [5, с. 60]. Именно для мира права «характерно *долженствование*, выраженное в *нормах*. Юридические нормы... “говорят” не только

и под известным углом зрения даже не столько о том, *что есть, реально существует*, а о том, *что должно быть*» [6, с. 60–61].

Под нормой в этике понимается, прежде всего, норма моральная, т. е. «одна из наиболее простых форм нравственного требования» [253, с. 219]. При этом, с одной стороны, норма рассматривается как «норма поведения, обычай, постоянно воспроизводимый в однотипных поступках множества людей как нравственный закон, обязательный для каждого человека в отдельности», а с другой стороны, моральная норма как часть морального сознания «формулируется в виде повеления, равно обращенного ко всем людям, которое они должны выполнять неукоснительно в самых различных случаях» [253, с. 219].

В рамках нормативной логики нормы интерпретируются как правила или предписания, выполнение которых ведет к определенному результату [123]. При этом норма как должное анализируется в логике с точки зрения ее структурирования. В структуру нормы входят следующие элементы: содержание, условия применения, субъект нормы и ее характер [96, с. 23]. *Характер* нормы зависит от того, разрешается, запрещается или высказывается требование выполнения определенного действия. *Содержание* нормы заключается в действии, которое может, должно или не должно быть выполнено. Следующим компонентом структуры нормы являются *условия ее применения*, т. е. конкретная ситуация, в рамках которой необходима, желательна или допустима реализация указанного в норме действия. Кроме того, существует *субъект* нормы. Субъектом нормы выступает отдельный индивид, целое сообщество или человечество в целом.

Вопросы об истоках нормативного, функциях норм и вытекающее из этого понимание места и роли норм в человеческой деятельности логикой, конечно, не рассматриваются. Подобный подход является естественным в рамках указанной дисциплины, ибо ограничен предметом логики и ее возможностями.

Различия в понимании нормы можно постараться объяснить как гносеологически, так и исторически. В силу того что общество подчиняется статистическим законам, действующим лишь в массе событий, в отличие от тех природных процессов, которые определяются жесткими, динамическими законами, в социальной среде возрастает возможность отклонений от типичного, нормального течения событий. Происходит процесс «размывания» понятия фактической нормы.

Невозможность более или менее существенного отклонения от нормы, например, в механике неоспорима. Биология, изучая живое, сталкивается уже с такой возможностью. В психологии, как было показано выше, такое отклонение становится почти правилом, так что само понятие «норма» можно подвергнуть сомнению.

Таким образом, исходя из сравнительного анализа различных определений и толкований термина «норма», существующих в рамках разных нефилософских научных дисциплин, можно вычлени́ть два основных смысла этого понятия. То есть, по сути, можно выделить два понятия, каждое из которых имеет свое значение. Во-первых, *норма служит характеристикой типических черт* некоторого класса явлений, предметов, процессов и т. д. (т. е. выступает как *сущее*). Во-вторых, *норма есть правило*, которое регулирует поведение и деятельность человека в целом или отдельные ее компоненты – действия, операции (т. е. является *должным*).

Следует, однако, заметить, что грань между этими двумя смыслами понятия «норма» не всегда четко очерчена. Одни и те же нормы, с одной стороны, являются среднестатистическими, а с другой – рождаются в результате деятельности людей. Так, анализ толкования понятия «норма» в социологии, эстетике и лингвистике показывает, что в рамках этих наук норма предстает как *сочетание сущего и должного*.

В ряде социологических исследований под нормой подразумевается «правило, которое означает, что кто-то должен действовать определенным образом» [229, с. 48].

В литературе по эстетике под нормами (эстетическими) имеются в виду «общепринятые принципы эстетической деятельности, а также образцы художественно-эстетических ценностей в данном социальном коллективе и его культуре» [131, с. 104]. Кроме того, это «исторически сложившиеся нормы и правила, на основании которых создается произведение искусства» [299, с. 238].

Под нормами в лингвистике исследователи понимают «наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию языковые (речевые) варианты» [237, с. 210]. Конкретно языковые нормы определяются как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных

и закреплённых в процессе общественной коммуникации... совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления» [149, с. 337].

Таким образом, и социологические, и художественные, и лингвистические нормы представляют собой единство сущего и должного; имеющего место в действительности и потенциального, образцового. Происходит это потому, что норма – это правило, которое, с одной стороны, реализуется, а с другой – предписывается.

В близком смысле рассматривается понятие «норма» в постпозитивистской философии, которая занимается вопросами философии науки, а именно в ее социологическом направлении (Т. Кун, М. Малкей, С. Тулмин). Так, Т. Кун вводит понятие «нормальная наука», характеризуя им относительно спокойный период в развитии научного знания от одного значительного открытия до другого. Таким образом, используется первое значение термина «норма», которое употребляется в паре с термином «аномалия». Нормальная наука основывается, по Т. Куну, на допущении, что некоторое научное сообщество обладает знаниями об окружающем мире.

Этот философ также вводит понятие «парадигма», по смыслу совпадающее с нормой. Парадигма – это некая принятая модель (или образец), предполагающая соответствие объекту. Некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований, включающие закон, теорию, их практическое применение и необходимое для исследований оборудование, дают модели, обеспечивающие конкретные традиции научного исследования. Если деятельность ученых строится на основе одинаковых парадигм, т. е. опирается на одни и те же правила и стандарты научной практики, то появляется общность установок и видимая согласованность в действиях, что является предпосылкой для нормальной науки, т. е. для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования.

Понятием «парадигма» Т. Кун называет совокупность достижений науки, которые являются, во-первых, в достаточной степени беспрецедентными, чтобы отвлечь ученых от поиска конкурирующих моделей на долгое время, во-вторых, достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли найти для себя нерешенные проблемы в их рамках. В условиях нормальной науки результаты исследований ожидаются, и, следовательно, только такие результаты воспри-

нимаются. Если результат не попадает в эту более узкую область ожидаемого, то он воспринимается обычно как неудача исследования. Тем самым нормальная наука часто подавляет фундаментальные новшества, которые неизбежно нарушают ее установки.

Проблема нормальной науки решается с помощью известных правил и процедур. И когда она не поддается решению этими методами или инструментами, созданные для целей нормального исследования, перестают функционировать, как это предусматривалось, то это свидетельствует об аномалии, которую невозможно согласовать с нормами профессионального образования. Профессиональные нормы в этом смысле – это совокупность предписаний или принятых правил, которые представляют собой парадигмы того или иного научного сообщества. В ситуации, когда специалист не может избежать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, начинаются нетрадиционные исследования, приводящие к новой системе предписаний (норм). Новая теория предполагает изменения в правилах, которыми ученые до этого руководствовались в практике нормальной науки, а ее усвоение требует переоценки прежних фактов. Этот процесс смены профессиональных норм Т. Кун называет научной революцией [136].

В рамках собственно *философского подхода* также существуют два основных значения понятия «норма»: норма как «средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений» (естественным оказывается констатация употребления данного понятия в таком смысле в исследованиях, проводимых с применением методов теории вероятностей и математической статистики), и *норма социальная* как «общепризнанное правило, образец поведения или действия» [277, с. 441].

Различие первого и второго смыслов понятия «норма» можно усмотреть при выяснении следующего: во-первых, к чему относится понятие, что характеризует – *сущее* или *должное*; во-вторых, дает ли оно возможность *выбора* (нарушения, антитезы); в-третьих, каков его *объем* (охватывает ли понятие большую совокупность явлений и феноменов или распространяется только на *деятельность и поведение человека*).

Норма как «средняя величина» относится к любым классам (живая и неживая природа, человеческое общество) и выражает сходство

по существенному признаку (по отношению к данному классу). Исследование некоторых сторон действительности, осуществленное в рамках поставленной проблемы нормативного, показало, что люди в своей практической и теоретической деятельности выделяют классы, таксоны явлений по определенным признакам. И хотя эти границы размыты, есть множество признаков, которые в целом позволяют провести такое разделение.

В обобщающем смысле речь идет о классах вещей. Норма выступает существенной характеристикой, которая является наиболее типичной, массовой. При узконаучном анализе норма является характеристикой *сущего*.

Социальная норма по денотату относится только к людям, их поведению и деятельности. И поведение, и деятельность людей рассматриваются под углом зрения не сущего, а должного. Человек – деятельное существо, осуществляющее выбор решений, поступков, ценностей. Социальная норма регулирует этот выбор сквозь призму *должного*.

Известный русский философ И. А. Ильин, анализируя так называемую «норму вообще», определял ее как *«суждение, устанавливающее известный порядок как должный»* [105, с. 16]. Он выделял систему обязательных условий, которым должна отвечать норма вообще: 1) норма устанавливается субъектом в форме суждения; 2) норма характеризует определенный порядок, в котором она устанавливается; 3) норма обязательно обращена к кому-либо; 4) норма всегда нечто предписывает; 5) любая норма предусматривает санкцию по отношению к нарушителю. «Пять вопросов, – пишет И. А. Ильин, – решают здесь дело: *кто предписывает? в каком порядке устанавливается предписание? кому предписывается? что предписывается (т. е. каков порядок?) и какова санкция нормы?»* [104, с. 67].

Для уяснения различия рассматриваемых смыслов понятия «норма» необходимо выявить, *чему она, норма, противостоит*.

Норме как «средней величине» противостоит *аномалия*. Так, если явление по отдельным признакам не подходит к определенному классу, тогда имеет место аномалия (в качестве простейшего примера может выступать шестипалость руки или ноги). Норме как правилу, регулирующему поведение и деятельность людей, противостоят *зрех, преступление, проступок* – действия, выбираемые человеком вопреки тому, какими они должны быть с точки зрения нормы.

Итак, имеются два различающихся значения термина «норма». Конечно, это не абсолютное разведение понятий. Деятельность сообщества людей может быть охарактеризована и через норму как «среднюю величину», так и через собственно социальную норму. Поскольку любой деятельности присущи какие-то признаки, то, значит, можно говорить об аномалии в человеческой деятельности. Норма, даже когда она «принадлежит» психике, все равно существует, т. е. она есть, и она может по-разному толковаться. Например, правовая норма (как вид социальной нормы) может судьей рассматриваться как аномалия. Тем не менее зафиксируем, что в данной работе исследуется именно социальная норма.

С нашей точки зрения, *нормы* – это *суждения*, которые несут знания о *должном* (юридически, нравственно, религиозно, эстетически, технически и т. п. *должном*); это *требования, регулирующие и определяющие* (положительно или отрицательно, с различной степенью конкретности) *должное* с точки зрения сообщества или его институтов, *поведение и схемы деятельности людей* (как отдельных индивидов, так и их групп); это *образцы*, служащие для *оценки поведения людей* или их групп со стороны этого сообщества; это *идеалы* и в этом смысле *цели, к которым стремится человек* в своих действиях.

Норма, таким образом, предусматривает воспроизводство образа будущей деятельности или, по меньшей мере, зоны допустимых действий. Степень детализации отдельных действий, конкретность указанного образа будущей деятельности в целом зависят от характера нормы, обязывающей, разрешающей или запрещающей какие-либо действия.

§ 2. Соотношение понятия «норма» с родственными понятиями

Сопоставим выделенное нами понятие нормы с родственными понятиями: идеал, ценность, оценка, цель, стандарт, стереотип, эталон, мера, алгоритм. Эти понятия взаимосвязаны с нормой и друг с другом. Наиболее важными из них являются категории «идеал», «ценность», «оценка», «цель».

Идеал трактуется как «образец, норма, идеальный образ, определяющий способ и характер поведения человека или общественного

класса» [276, с. 195]. Примем такое понимание, хотя норма тоже может быть представлена по уровням конкретности: норма-идеал – норма-цель – конкретная норма.

Такая разновидность идеала, как идеал нравственный, дает «представление о всеобщей норме, образце человеческого поведения и отношений между людьми, выражающее исторически определенное понимание цели жизни» [276, с. 202]. Мы видим, что идеал и норма очень близки. Однако они не тождественны.

Идеал представляет собой «совершенство; совершенный образец чего-либо». Как таковой, он – «высшая конечная цель стремлений, деятельности», им опосредованно нормируется деятельность людей, так как они видят идеал перед собой в качестве ориентира, с которым они сопоставляют продукты своей деятельности, результаты поступков и т. д. [252, с. 186]. С другой стороны, идеал является определенным источником, в соответствии с которым нормы формируются. Идеал сам в себе не содержит правил действий, он выступает как «рефлексия объективно-идеализированного эквивалента времени в проекции на вечность» [162, с. 109]. Он конструирует будущее, он «вечен», и поэтому направляет, как маяк, ограничивает деятельность и в этом оказывается родственен норме.

Когда речь идет об идеале, то имеется в виду конечный пункт, к которому стремятся, а не то, каким образом прийти до него.

Сказанное еще в большей степени относится к понятию *цели*. Классическое понимание категории «цель» содержится в первом томе «Капитала». К. Маркс, сравнивая деятельность животных и человека, указывает, что «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [174, с. 189]. То есть после завершения трудового процесса «получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально». Цель более конкретна, чем идеал. Человек в своей деятельности «не только изменяет форму того, что дано природой; но в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [174, с. 189].

Человеческая деятельность – это целеполагающая деятельность. Цель, как уже было сказано, более конкретна, чем идеал, но тоже ха-

рактизует пункт, куда стремятся, и хотя она регулирует поведение и деятельность людей, но, как и идеал, цель не содержит правил, несмотря на свою конкретность. И то, и другое – не норма. Цель и идеал косвенно определяют те нормы, которые принимаются сообществом во имя их реализации.

Сопоставляя нормы с *ценностями и оценками*, следует также отметить их тесную многостороннюю связь. Болгарский философ и правовед Н. Неновски относит нормы к духовным «собственно аксиологическим» ценностям наряду с идеями, образами, целями, идеалами. Отмечая ту большую роль, которую играют в области права оценки, данный автор указывает, что «нормы “вырастают” из оценок, представляют собой вывод из оценок, ценностей, ценностных критериев и соответствующих им иерархий» [198, с. 41]. Вообще и ценности, и оценки, и нормы им истолковываются как категории духовно-практического отношения человека к действительности.

Как общее правило, точнее, свод правил или кодекс поведения, нормы представляют собой знания (в широком смысле) о совокупности действий, выполняя которые только и можно реализовать определенные идеалы, ценности, прийти к достижению поставленной цели. Следует отличать нормы как наиболее общие правила, находящиеся на более высоком уровне и связанные с высшими ценностями, от правил игры в шахматы, игры на фортепиано и т. п., которые регламентируют отдельные действия и операции. Вторые могут быть частными конкретизациями первых или независимыми от них.

Общие нормы (собственно нормы) отличаются от подобных правил тем, что в таких правилах отсутствует императив «Вы должны сделать то-то. Вы должны достичь этой цели». То есть нормы предскриптивны, а правила конститутивны (зависят от того, как устроен, конституирован предмет, являющийся целью действия). Нормы «предписывают действовать таким-то и таким-то образом не потому, что это неременный путь к достижению некой заранее предвидимой цели, а потому, что они приняты как некое *безусловное благо*, как *ценность в себе и для себя*» [3, с. 30]. Э. Агацци относит нормы к семейству категорических императивов, а цели, из которых они «выводятся» называет ценностями в собственном смысле этого слова. Таким образом, «поведение людей может быть объяснено *правилами и нормами*». Само же бытие норм «зависит от признанных *ценностей*» [3, с. 30].

Рассматривая вопрос о взаимоотношении норм, ценностей и оценок, следует отметить вслед за П. Рикером, что «мы можем оценивать действия лишь в той мере, в какой... (они. – *Е. П.*) направляются *предписаниями* – техническими, эстетическими, моральными или политическими» [234, с. 48], т. е. нормами. При этом предписания, будучи «встроены в саму практику», получают у П. Рикера название «стандартов совершенства», которые определяют успешность и неуспешность различных человеческих действий и задают внутренне присущие практике ценности. Как эталон или стандарт норма выступает именно в момент оценки человеческого поведения, отношений и деятельности в целом со стороны сообщества. В таком же контексте функционирует норма в качестве меры. Однако здесь необходимо заметить, что категорию меры корректно относить к норме как сущему. Еще в большей степени это относится к понятию стереотипа, которое характеризует типические, без вариантов и отклонений процессы и отношения.

Вообще нормы, во-первых, производны от высших ценностей (но не как логические выводы из них, так как установление норм осуществляется через традиции). Каждая норма должна соответствовать высшим ценностям. Во-вторых, норма сама становится ценностью, поскольку соблюдение нормы высоко ценится в обществе. И наконец, в-третьих, норма является эталоном оценки поведения и деятельности людей.

Норма, фиксирующая правила, которые определяют последовательность действий, поступков, может быть сопоставлена с алгоритмом. Понятие алгоритма занимает одно из центральных мест в современной математике, прежде всего вычислительной. Алгоритм в математике, в самом общем смысле, – это «точное предписание, которое задает вычислительный процесс... начинающийся с произвольного исходного данного (из некоторой совокупности возможных для данного алгоритма исходных данных) и направленный на получение полностью определяемого этими исходными данными результата» [176, с. 202]. Алгоритм представляет собой жестко заданную последовательность дискретных операций. Таким образом, он является частным случаем нормы.

Суть алгоритмического процесса состоит в последовательном преобразовании некоторых конструктивных объектов. Процесс осуществляется отдельными «шагами», каждый из которых ведет к смене

одного конструктивного объекта другим. Обязательным условием такого процесса является то, что «в ряду сменяющих друг друга конструктивных объектов каждый последующий полностью определяется (в рамках данного алгоритма) непосредственно предшествующим» [176, с. 205].

Понятие алгоритма, употребляемое широко как характеристика последовательности человеческих действий, существенно отличается от понимания алгоритма в математике природой элементарного шага. Элементарный шаг алгоритма человеческой деятельности с точки зрения математики представляется сложным и чаще всего не алгоритмическим процессом. Тем не менее исходными данными и результатами алгоритма могут служить не только самые разные конструктивные объекты математики. Существует возможность более широкого применения понятия алгоритма. Действительно, можно говорить об алгоритме работы авиадиспетчера, который перерабатывает информацию о перемещении самолетов, алгоритме перевода с одного языка на другой и т. д. В этих случаях не имеют места, как в математике, локальные «шаги», это – операции, которые человек должен исполнять, в его поведении нет выбора, оно жестко детерминировано, как правило, специально разработанными инструкциями. В то время как собственно норма предполагает выбор линии поведения или деятельности.

§ 3. Место нормативного в деятельности человека

Прежде всего, очевидно, имеет смысл остановиться на низшем уровне человеческой деятельности – биологическом – и попытаться ответить на вопрос: имеется ли там нормативность, и если да, то в каких формах?

Социальная норма является одной из специфических характеристик, которая позволяет выделить человека из животного мира, потому что «каждое *человеческое действие* связано с наличием некоторого «*как должно быть*» [3, с. 26]. Норма в некотором отношении близка к стереотипности инстинктивной деятельности, характерной для животных. Но у животных нет свободы выбора поведения. Животные не обладают никаким «как должно быть», их действия направляются инстинктами и условными рефlekсами, а также в целом биологиче-

скими законами, в первую очередь естественного отбора. То есть у животных «цель не *преследуется* как таковая, а просто *достигается*, будучи неким детерминированным естественными законами результатом» [3, с. 28]. Тем самым нормативность в «нашем» смысле у животных отсутствует. Однако инстинктивные механизмы, выработанные в ходе естественного отбора форм поведения, отвечающих двум основным «целям», на достижение которых «направлено» поведение всех без исключения животных: сохранению вида и самосохранению, присущи и человеку как живому существу. Свойственен также (во всяком случае сформулирован в виде высших норм) и приоритет первой «цели» по отношению ко второй: сначала интересы социума, которые могут быть соблюдены через соблюдение интересов индивида. В ходе эволюции животного мира «в жертву» приносятся отдельные индивиды, вид сохраняется.

Второй смысл нормативности обусловлен прежде всего наличием выбора одного из приемлемых вариантов поведения. Именно выбор отличает поведение человека от поведения животного (подробнее см. гл. 1, § 4). Хотя способность выбирать, как задаток, у человека не определена генетически. В качестве реальной способности эта специфическая человеческая черта приобретает в ходе становления личности. Норма накладывает определенные ограничения на свободу выбора у индивида и сообщества. Человек не может жить абсолютно свободно. Кроме того, и в жизни людей возникают ситуации, когда выбирать не надо, поскольку имеются некоторые стереотипы поведения.

Человек, пытаясь достигнуть заранее задуманной цели, принимает решения, «воплощающие при своей реализации возможность в действительность, руководствуясь при этом определенными критериями совершенства в достижении данной цели» [3, с. 28]. Деятельность человека является не только целенаправленной, но и ценностно-ориентированной (при этом ценностно-ориентированное действие подчинено определенным правилам, которые отличаются от естественных законов). Эти правила вводятся таким образом, чтобы их применение вело к уже известной цели. Происходит это по схеме: «Если Вы стремитесь к данной цели, то Вы должны действовать так-то и так-то» (т. е. следовать определенным правилам).

То, какое место занимают нормы в процессе человеческой деятельности, помогает раскрыть анализ соотношения нормативности

и творчества. При первоначальном приближении они кажутся абсолютно противоположными характеристиками, поскольку творчество предполагает свободу, а нормативность – ограничения. Но мы уже отмечали, что абсолютная свобода невозможна. Речь идет о свободе выбора линии поведения, поступков, ценностей. Из чего выбирает человек? Можно предположить, что из некоторого заранее очерченного круга возможностей. Но в действительности «всегда (или почти всегда) индивид может расширить пространство возможностей или даже построить новое» [290, с. 37].

Самой важной для человеческой личности является дилемма: осуществить выбор или отказаться от выбора вовсе. Осуществляя выбор, люди решают, следовать или не следовать существующим традициям и нормам, при этом они ориентируются на имеющиеся представления о добре и зле. В реальных жизненных ситуациях человек сталкивается с необходимостью отыскивать наименьшее зло и наибольшее добро, а не просто выбирать между добром и злом. То есть «или-или» не работает. Необходимо найти и выбрать нечто третье, которое не дано буквально. Этого третьего «нет в изначально возникшем в психике личности или заданном ей извне пространстве выбора». Имеет место процесс творческого созидания, при котором усилиями творческой личности расширяется пространство выбора. Другими словами, «выбор в собственном смысле не сводится к избранию одной из готовых альтернатив. Он включает в себя творческое создание вариантов. Подлинный выбор – это всегда творчество» [290, с. 45].

Взятая в качестве примера научная деятельность, рассматриваемая «в духе Куна», приводит нас к пониманию того, что новые фундаментальные факты и теории создаются непреднамеренно в ходе игры по одним правилам, а их восприятие требует смены этого набора правил на другой. Действительно, проблемы нормальной науки часто представляют собой тип задач-головоломок (таких как кроссворды, шахматные этюды, игры, цель которых заключается в складывании различных фигур из строго определенного числа фрагментов и т. д.), имеющих гарантированное решение, и правила, ограничивающие и природу приемлемых решений, и шаги, к ним ведущие.

Творчество в науке – это открытие, а открытие начинается с осознания аномалии, когда становится ясно, что в природе происходят

процессы, не совпадающие с теми, которые ожидалось под влиянием парадигмы [136]. Вытекающее из этого исследование области аномалии приводит к тому, что такие процессы становятся ожидаемыми. Это крайне важно, поскольку «первооткрывателем становится тот, кто, точно зная, чего он ожидает, способен распознать то, что отклоняется от ожидаемого результата» [136, с. 92]. Аномалия всегда появляется на фоне парадигмы, и чем более точна и развита последняя, тем яснее высвечивается аномалия, что приводит, в конце концов, к смене парадигмы.

Таким образом, система научных норм (правил, предписаний) или парадигма, с одной стороны, способствует более углубленному изучению объекта, а с другой – является серьезным тормозом на пути поиска альтернативных теоретических конструктов. И все же, сомневаясь в парадигме и расшатывая правила нормального исследования, ученые впоследствии вновь создают подобную систему традиций и предписаний, которая заменяет предшествующую, поскольку это путь к значительным научным успехам.

В действительности нормы не парализуют творчество. Во-первых, подавляющее большинство норм в деятельности людей не носят алгоритмического характера и не являются императивными и, как следствие, предоставляют большой простор действий внутри себя и тем самым дают простор для творчества. Во-вторых, норма на определенном этапе развития человечества и человеческой личности сознательно выбирается, поскольку в человеческом сообществе, наряду с общепризнанными нормами, функционируют сосуществующие нормативные системы, между которыми индивиды имеют определенную возможность делать выбор. И в-третьих, человек волен, что отмечалось выше, нарушить норму, т. е. опять осуществить выбор: следовать норме или грешить. Он волен создавать новые нормы, ломать старые, что делают (например, в истории) выдающиеся личности. Здесь наиболее ярко проявляется творчество.

Для человеческой деятельности наличие норм в исследуемом нами смысле крайне важно, поскольку ничем не ограниченная свобода выбора может вести к катастрофе. Социальные нормы в деятельности выполняют очень важные функции. Именно в социальных нормах воплощается предшествующий опыт человечества, этноса, группы. Человек не может в процессе своей деятельности вести себя толь-

ко творчески. В любом, даже самом высоком виде творчества есть неизбежно нетворческий компонент. В той мере, в какой ситуация более или менее стандартна, субъект должен действовать в соответствии с наработанным стандартом. Норма есть способ адаптации личности, индивида к той общности, в которой он находится, поскольку сама социализация личности включает в себя интериоризацию норм коллектива.

Социальные нормы воплощают опыт, традиции и тем самым обеспечивают согласованность действий, соотнесенность целей и задач, совместимость субъектов нормы, способствуя развитию. Само творчество подразумевает определенные нормы, подчиняется им. Скажем, художественное творчество, являясь самым ярким примером творчества вообще, невозможно без знания норм, система которых, становясь все более отточенной, приобретает форму канона. В каноне отражаются традиции определенного художественного мышления и соответствующей художественной практики. В нем воплощен эстетический идеал той или иной эпохи.

Отжившая эпоха, навязывая свои каноны изменяющейся действительности, превращает их в тормоз ее развития. Они перестают адекватно отражать духовно-практическую деятельность людей своего времени и отбрасываются в ходе культурно-исторического процесса (об этом подробнее будет сказано во второй главе).

Действительно, норма в человеческой деятельности есть не только признание инварианта, т. е. повторяющейся, неизменной структуры, она предполагает допущение вариантов. Развитие вообще возможно только в постоянном взаимодействии норм и отступлений от них. Иногда эти отступления столь значительны, что создают предпосылки появления принципиально нового. Правда, социальная норма, находящаяся в становлении, еще не является подлинной нормой, поскольку в процессе развития общества может существенно изменяться, в зависимости от ситуации, социально оправданный алгоритм действий. Однако, осуществляясь, новое сопровождается и новым нормативным. Норма определяет степень свободы, обеспечивает безопасность творчества, и сама является результатом творчества, поскольку становится, развивается.

Таким образом, нормы являются и феноменом сознания (правового, морального, эстетического, религиозного и т. д.), и элементом

поведения, отношений (правовых, религиозных и т. д.). Можно еще жестче обозначить эти два уровня, как это сделал В. О. Лобовиков. Занимаясь конкретным исследованием данного вопроса, он вышел на рассмотрение логической формы норм как суждений (мыслей) и этической формы норм как поступков [150, с. 8].

Для того чтобы отличать одни существующие нормы от других, необходимо подвергнуть их классифицированию.

§ 4. Проблема классифицирования норм

Очевидной представляется невозможность классифицировать такой сложный социокультурный феномен как норма в одномерном, плоскостном изображении. Нормы, выделенные по одному какому-либо критерию, и нормы, чье разграничение обусловлено множеством критериев, взаимосвязаны друг с другом, вытекают друг из друга и предполагают друг друга в объеме.

В литературе встречаются разнообразные классификации норм. Поскольку нормы рассматриваются, как правило, в рамках одного какого-нибудь подхода, то, естественно, их типология является частичной, безусловно, неполной, ограниченной этими рамками.

Приведем пример узкой, но оригинальной классификации норм, произведенной по одному основанию и применимой в одной области человеческой деятельности, а именно в области права. Эта классификация была разработана известным русским правоведом рубежа XIX–XX вв. Л. И. Петражицким.

Рассматривая различные виды нормированного поведения людей, ученый пришел к следующим выводам. Из объектов императива, т. е. из всех требуемых видов поведения от обязанных их выполнять, он выделил, во-первых, положительные действия одного субъекта в отношении другого, во-вторых, воздержание от действий и, в-третьих, терпение одним субъектом действий другого в отношении себя. Соответственно все объекты атрибутива им сводились, во-первых, к положительным получениям пассивным субъектом действий активного субъекта, во-вторых, к непретерпеваниям известных воздействий, свободам от таковых, «неприкосновенностям», «охранностям» и, в-третьих, к терпимым со стороны обязанных действиям, положительным свободам, свобододействиям [216, с. 339].

Отсюда вытекала классификация правовых норм, разработанная Л. И. Петражицким. Все разнообразие этих норм автор свел к трем видам, считая эквивалентными соответствующие обязанности и права:

1) положительно-притязательные или представительные нормы, объектами регулирования которых являются взаимодействия типа «обязанность сделать и право притязать». Например, эквивалентными являются обязанность должника возвратить свой долг кредитору и право кредитора притязать на получение долга;

2) отрицательно-притязательные или охранительные нормы, чьими объектами выступают взаимодействия типа «обязанность не делать и право не терпеть». Например, обязанность субъекта не оскорблять других лиц равна праву этих лиц не мириться с оскорбляющим их поведением;

3) уполномочивающие нормы, объекты которых – это взаимодействия типа «обязанность терпеть и право сделать». Например, эквивалентны обязанность преступника терпеть наказание и право государства наказывать человека, нарушившего его законы.

Исследовавший эту классификацию А. А. Ивин справедливо отмечает, что Л. И. Петражицкий включил в свою классификацию не все возможные виды норм. Например, за ее рамками остались обязанность притязать и право не притязать, обязанность не терпеть и право терпеть. Можно добавить к этому другие упущенные типы норм, регулирующие следующие пары отношений: обязанность делать и право терпеть, обязанность терпеть и право не делать, обязанность притязать и право не терпеть и т. д. (в соответствии с правилами комбинаторики всего 26 вариантов).

Классификация получается довольно громоздкой, хотя, по-видимому, отражает возможные варианты правового поведения и может применяться в качестве абстрактной конструкции в теории права. А. А. Ивин предложил свою интересную классификацию норм. Он выбрал в качестве критерия деления норм их субъект. Ученый считает, что норма своим содержанием охватывает взаимодействие двух и только двух субъектов, которые по типу этих взаимоотношений и взаимодействий могут рассматриваться как активный (это субъект, обладающий правом на какие-то поступки или обязанный что-либо сделать) и пассивный (т. е. субъект, в отношении которого предпринимаются определенные действия активным субъектом).

Поскольку под субъектом нормы могут подразумеваться не только отдельные личности, но и их совокупность (класс, этнос, профессиональная группа и т. п.) вплоть до человечества в целом, А. А. Ивин считает, что «все нормы могут быть разделены на несколько типов: индивидуально-индивидуальные (И-И), индивидуально-групповые (И-Г), индивидуально-всеобщие (И-В), всеобще-индивидуальные (В-И), всеобще-групповые (В-Г) и т. д.» [96, с. 96].

Данная классификация содержит спорные моменты. Скажем, субъекты норм могут быть оба пассивными, т. е. первый субъект не имеет права на какие-то поступки или ему запрещено что-либо делать в отношении второго субъекта. Кроме того, по-видимому, нельзя говорить только о двух субъектах, как об обязательном условии бытия норм. Субъектов норм может быть больше двух, возможны случаи, когда субъект вообще один.

Науковеды, этнографы, лингвисты, логики и другие представители специального знания в своих областях также выдвигают односторонние типологии норм. Например, Н. В. Мотрошилова, давая классификацию норм научной деятельности, выделяет три основных типа нормы в науке:

«1) приобретающие нормативный характер методологические установки разной степени общности, которые регулируют отношение познающего человека к познаваемому объекту, а также к знаниям, концепциям, гипотезам;

2) нормативные принципы, регулирующие совокупный процесс научно-исследовательской деятельности как деятельности социальной, коллективной (они регулируют отношение индивида к своему труду, к другим ученым и коллективам, отношения между коллективами и учреждениями науки);

3) нормы и принципы, которые регулируют взаимоотношения между учеными, научными коллективами и учреждениями, с одной стороны, и обществом в целом, – с другой, нормативно фиксируют роль, престиж, ценность научного познания для данного общества» [192, с. 113].

Эта типология неплохо характеризует отличия норм в этой области. Имеет место попытка показать нормы во взаимосвязи. Но поскольку не выделен критерий такого разграничения норм, произошло хаотичное наложение нескольких классификаций друг на друга. При

этом очень мало внимания уделено собственно познавательной деятельности (первый тип) и слишком много ее морально-правовым аспектам (типы второй и третий).

Наиболее часто объектом исследования в философской литературе являются социальные нормы. Среди социальных норм, как правило, описываются моральные нормы. Они классифицируются по основаниям, затрагивающим прежде всего поведение людей, находящихся во взаимоотношениях друг с другом. Например, В. Ф. Зыбковец различал моральные нормы, во-первых, по социальным общностям (сословиям, классам, корпорациям и т. д.); во-вторых, по полу и возрасту [93, с. 10].

Исследователи, работающие в области правоведения, выделяют нормы по этим же основаниям, но усугубляют различие степенью жесткости санкций. Классификация норм, данная С. А. Даштамировым, предполагает две основные группы: научно-технические и социальные нормы. К первым он отнес логические, математические, грамматические, технические нормы и нормы художественного творчества, ко вторым – политические, правовые, нравственные, религиозные.

Несмотря на имеющийся у автора тезис о том, что «норма как родовое понятие охватывает всю существующую в обществе систему предписаний, правил, требований» [73, с. 13], классификацией явно не охвачено множество норм, существенно отличающихся друг от друга по содержанию. Кроме того, в первой группе смешаны нормы разных видов, степеней общности, относящиеся к разным сферам человеческой деятельности.

§ 5. Типология норм

В настоящей работе нормы классифицируются по целому ряду оснований, показывается их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Рассматривая вопрос о типологии норм, мы опирались на методологию деятельностного подхода к сущности человека, а именно учитывали прежде всего способность человека к осознанной постановке цели и последующее его стремление к ее достижению, т. е. собственно деятельность, которая присуща человеку наряду с жизнедеятельностью, свойственной и другим живым существам.

Человек, являясь деятелем, может проявлять свои сущностные качества в практической и теоретической сферах, а также в сфере обще-

ния. В рамках этих трех основных видов деятельности люди ориентируются на цели, которые требуют определенных правил, обеспечивающих их достижение. Без детального пояснения констатируем, что целью практической деятельности является некое действие, поступок, целью теоретической деятельности – знание, а одной из целей общения может выступать стремление людей понять друг друга и самих себя.

Движение к цели в каждой из сфер регулируется определенной совокупностью норм. Причем очень важно то, что нормы обладают интенциональным характером, т. е. *направляют* деятельность к цели, ибо последняя выступает как идеальная, абстрактная норма (или элемент сознания).

Действительно, познание, мышление *должны* вести к знанию, практические взаимоотношения людей *предполагают* поступки, общение *возможно лишь при наличии* понимания. В то же время нормы регулируют деятельность, задают механизм, определяют средства достижения поставленной цели (являясь тем самым элементом практики).

Исходя из вышесказанного, выделим три группы норм, которые регулируют и направляют процесс достижения специфических целей в разных сферах человеческой деятельности (рис. 1). Для практической деятельности таким регулятором и направляющим вектором служат *социальные нормы*. В процессе теоретической деятельности люди руководствуются нормами познания – *когнитивными нормами*. Процесс общения регулируется *семиотическими нормами*.

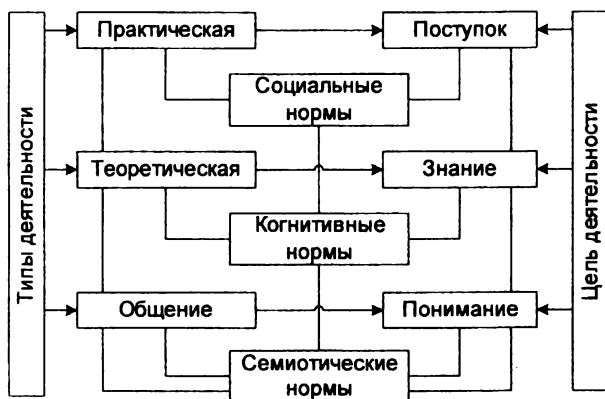

Рис. 1

Названные три группы норм существуют относительно самостоятельно, однако не столько рядоположены, сколько встроены внутри друг друга. Например, вторая – внутри первой и третьей групп.

Это действительно так, поскольку, во-первых, мышление как теоретическая деятельность является также частично практической деятельностью. Постигая мир, человек опосредованно меняет его, себя, других людей. Кроме того, ни одна из сфер практической деятельности не обходится без процесса мышления, который является основой подлинно человеческой деятельности. И наконец, без мышления невозможен процесс общения. Очевидно, что необходимо обдумывать то, что и как сказать и сделать, чтобы тебя поняли другие. В свою очередь, последние должны напрягать свой мыслительный аппарат для того, чтобы «раскодировать» слова, жесты, ситуации, поступки, понять их.

Сфера практической деятельности интерпретируется здесь как сфера взаимоотношений людей в различных областях человеческой жизни: в области морали, религии, искусства, науки, политики, права, а также в области профессионально-технической. Поэтому вслед за большинством авторов отнесем к *социальным нормам* религиозные, политические, моральные, эстетические, воспитательные, а также нормы научной и профессионально-технической деятельности (рис. 2).

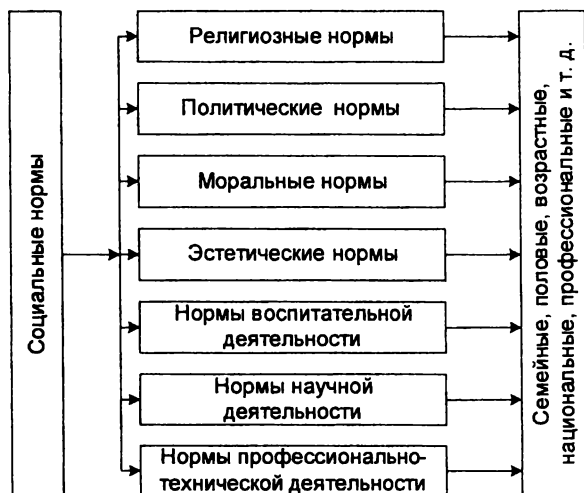

Рис. 2

Выделенные нормы, в свою очередь, подразделяются на более специфические: *семейные, возрастные, половые, национальные, деловые* (имеются в виду взаимоотношения руководителя и подчиненного), *коллективные* (отношения «на равных» в коллективе), *профессиональные* и т. п.

Вторая группа норм относится к процессу человеческого познания. Рассматривая *когнитивные нормы* (рис. 3) как относительно самостоятельную группу норм, отметим, что функционируют они на двух основных уровнях: *обыденного* и *теоретического* (научного) мышления. Процесс мышления включает также три механизма: воспроизведение (репродукция), логический поиск, творческий прорыв в новое.

Рис. 3

Репродуктивные (или технические, отражающие технику воспроизведения) нормы являются необходимым компонентом познания, без них невозможна, например, такая его часть, как обучение. *Логические* нормы составляют стержень когнитивных норм, обеспечивая процессу мышления непротиворечивость, последовательность, диалектичность и т. д. Творчество же, несмотря на кажущуюся невозможность его нормирования, тоже подчинено определенным правилам, позволяющим выйти за рамки старого, что говорит о существовании *норм творчества*.

И наконец, деятельность общения – сфера межличностных отношений, главным из которых является языковое.

Поскольку цель общения – понимание, общение регулируется и направляется третьей группой норм – *семиотическими нормами*, которые несмотря на то, что являются относительно самостоятельной

структурой, пронизывают первую и вторую группу норм по всем параметрам, ибо речь, наряду с практической деятельностью, есть отличительная сущностная характеристика человека.

Знаковые формы общения возникали естественным образом в ходе развития человеческих сообществ, а также создавались искусственно, будучи ответом на потребность в общении. Искусственные знаковые системы призваны либо обеспечить очень узкое общение, самоизоляцию малой группы, т. е. они известны не всем членам общества, а некоторым (например, «арго» у моряков или тюремная «феня»), либо, наоборот, облегчить общение многим (например, азбука Морзе; язык эсперанто как смесь наиболее употребительных слов различных языков; своеобразный язык SMS-сообщений), либо позволить вынужденно изолированной группе войти в культурное общение с другими сообществами (азбука, предложенная французом Л. Брайлем для слепых, «пальцевый» язык глухонемых). Особое место среди искусственных языков занимают современные языки программирования. Они вообще призваны обеспечивать общение не между людьми, что, конечно, опосредованно происходит, а между человеком и ЭВМ.

Таким образом, семиотические нормы регулируют функционирование двух видов языков – *естественных* и *искусственных*, которые функционируют на обыденном уровне (в разговорной речи), а также на уровне теоретическом (в письменной речи) (рис. 4). Здесь вновь обнаруживается подтверждение тезиса о взаимопроникновении норм. Заметим, что в строго научном понимании устная и письменная – это формы организации речи, а не формы ее воспроизведения, поскольку бывает озвученная письменная речь и записанная устная.

Нормы *разговорной* и *письменной* речи различны у разных этносов (и внутри них – диалекты), половых и возрастных групп, религиозных, профессиональных, криминальных сообществ (особая «кодовая» речь – жаргон). Общение в рамках этих социумов невозможно без освоения соответствующих семиотических норм.

В сфере общения человеческая деятельность выработала различные знаковые системы, например, язык жестов или язык музыки, танца, театра и пр. В качестве еще одного среза отметим возможность существования письменной и разговорной речи, а также языка *жестов, поступков* и *искусства* на *литературном* и *инвективном* уровне. Их репродуцирование, существование и развитие также подчиняются определенным нормам.

Без оформления в отдельную схему можно далее выделить нормы, например, литературного языка. К ним относятся: *орфоэпические* нормы, определяющие правила произношения слов; *грамматические* нормы, определяющие правила образования слов, употребления частей речи, построения синтаксических конструкций; *лексические* нормы, определяющие правила употребления слов в соответствии с их значением и сочетания слов в речи; *стилистические* нормы, определяющие выбор речевых средств в соответствии с ситуацией общения; *орфографические* нормы, определяющие правила написания слов; *пунктуационные* нормы, определяющие правила расстановки знаков препинания [255].

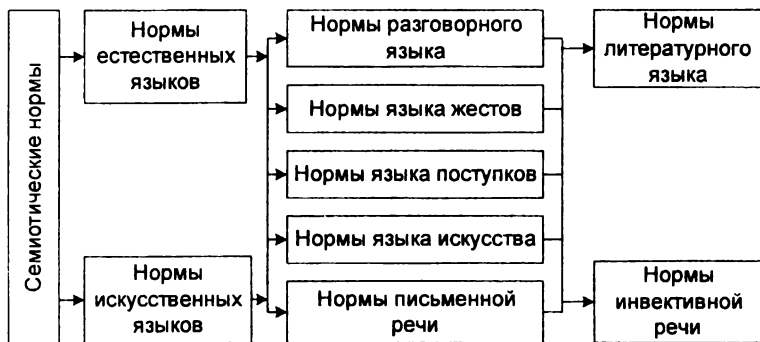

Рис. 4

Разрабатывая типологию норм, необходимо рассматривать различные критерии выделения тех или иных классов норм. Возвращаясь к типологии норм А. А. Ивина, поясним наше замечание относительно необязательности только двух субъектов норм.

В случае, когда субъектом норм является все человечество, второй субъект является его частью. Человечество в целом как субъект взаимодействует со своими подсистемами (с сообществами), причем делает это не прямо (это просто невозможно, поскольку оно продолжает формироваться, не будучи законченным субъектом), а посредством какого-то своего представителя. В последние десятилетия таким представителем человечества, безусловно, все более становится Организация Объединенных Наций (ООН). В этой связи существует проблема нормирования, скажем, пределов вмешательства ООН в дела государств, в которых нарушаются права личности.

И наконец, нельзя упускать из вида, что нормы могут регулировать и направлять взаимодействия личности с самой собой, со своим внутренним миром, чувствами, эмоциями и т. д. Таким образом, количество субъектов норм равно единице и более. Поэтому по данному основанию деления (*по субъекту норм*) выделим еще собственно *индивидуальные, групповые и всеобщие* нормы для случая нормирования взаимоотношений субъекта с самим собой (таблица).

Многокритериальная типология норм

Основание деления	Типология норм
1. Субъекты норм (индивиды, группы, социум)	Индивидуальные нормы Групповые нормы Всеобщие нормы Индивидуально-индивидуальные нормы Индивидуально-групповые нормы Индивидуально-всеобщие нормы Всеобще-групповые нормы и т. д.
2. Обоснование норм: • авторитет, конвенция • долг • оценка • цель	Тетические нормы Деонтические нормы Аксиологические нормы Телеологические нормы
3. Характер воздействия на деятельность	Прескриптивные нормы Интердиктивные нормы Пермиссивные нормы Модальные нормы
4. Способ вхождения в человеческую деятельность	Официально фиксированные нормы Стихийно проникающие нормы
5. Уровень обобщенности	Частные, конкретные нормы Общекультурные нормы различных обществ: ретроспективные, перспективные и актуальные Общечеловеческие нормы
6. Степень встраивания в человеческую практику и сознание	Нарождающиеся нормы Нормы, широко вошедшие Отживающие нормы
7. Степень осознанности	Осознанные полностью нормы Частично осознанные нормы Неосознаваемые нормы

Продолжим типологию, опираясь на *критерий обоснованности норм*, поскольку, несмотря на то, что в самих нормах не содержится их обоснование, нормы, как правило, чем-то обоснованы.

В этой связи показательны *тетические* нормы, т. е. нормы, исходящие из какого-то авторитета. Характерным примером таких норм являются библейские заповеди. К этой же группе относятся нормы, обоснованные ссылкой на конвенцию (нормы международного права, например).

Деонтические нормы составляют вторую группу этого уровня данной типологии. Обоснование их может быть сформулировано так: действуя на основе долга, ты делаешь добро.

Третью группу образуют *аксиологические* нормы, которые актуально обосновываются оценкой: добро – это ценность, поэтому ты должен действовать так, чтобы сделать добро.

В четвертую группу входят *телеологические* нормы. Они зависят от цели, на которую направлено поведение, которое регулируется данной нормой: чтобы достичь *X*, надо делать *Y*.

В приведенной таблице (как, впрочем, и в предыдущих схемах), безусловно, зафиксированы чистые типы, но это отнюдь не означает, что в действительности нормы так жестко разграничены. В качестве примера условности этого разграничения можно рассмотреть слияние, совпадение аксиологической и телеологической норм. Это отождествление происходит тогда, когда, например, должное определяется через добро: делая добро, ты ведешь себя должным образом.

Еще одним критерием типологии выступает *характер воздействия норм на деятельность* человека или сообщества. Нормы, являясь главным регулятором человеческого поведения, по своей формулировке и направленности бывают положительными и отрицательными.

Первые предписывают, будучи сформулированы как императивные предложения в повелительной форме. Вторые деонтическим образом запрещают те или иные действия (например, табу). Такого рода нормы влекут за собой определенные санкции в виде поощрения или наказания. К *прескриптивным* (предписывающим) и *интердиктивным* (запрещающим) нормам добавим *пермиссивные* (разрешающие) и *модальные* (измеривающие). Последний тип нормы тесно связан с оценкой, так как эта норма «является как мерой поведения, так и масштабом оценки» [198, с. 147]. Модальная функция нормы как регулятора проявляется в том, что норма обращена, с одной стороны,

назад, в прошлое (будучи масштабом оценки), а с другой – вперед, регулирует будущее поведение (как мера поведения).

Если помнить о том, что норму можно истолковать как оценку с санкцией, то появляется такой критерий классификации норм, как их *способ вхождения в человеческую деятельность*. В соответствии с ним нормы подразделяются на *официально фиксированные* («писанные») и *стихийно проникающие* («неписанные»). Первые «спускаются сверху» и сопровождаются санкциями, поощряющими или наказывающими членов сообщества. Вторые – это «верх», а именно государственный аппарат, религиозная организация и любая другая «макушка» иерархизированного человеческого сообщества, которая нормирует поведение, отношения и деятельность в целом своих членов. Нормы этой группы спонтанно усваиваются через механизм добровольного подражания, не предполагая жесткого санкционирования.

За следующий критерий типологизации норм примем их сферу применения – *уровень обобщенности*. В соответствии с этим критерием нормы могут анализироваться через призму исторического времени (или социального пространства). Выделим три основные группы: *частные, конкретные* нормы (по принципу «здесь и сейчас»), *локализованные во времени общекультурные* нормы различных обществ (ретроспективные, перспективные и актуальные) и независящие от исторического времени *общечеловеческие* нормы.

К этой типологии примыкает, переплетаясь с ней и с другими, деление норм в зависимости от *степени вхождения в общественную практику*. Это основание позволило Л. М. Архангельскому выделить применительно к нормам морали три класса:

- 1) *нарождающиеся* нормы, т. е. находящиеся на стадии формирования, которые практически регулируют поведение небольшой части человеческого общества;
- 2) нормы, *широко вошедшие* в практическую жизнь общества;
- 3) *отживающие* нормы, которые утратили потенциальную возможность дальнейшего развития, но еще характеризуют реальное поведение некоторых слоев общества [13, с. 76].

Указанная классификация – это, по сути, самое общее подразделение норм по критерию степени вхождения в общественное сознание и общественную практику. Очевидно, что она отражает не только различие норм морали, но вполне может быть распространена и на

любые другие нормы, поскольку они не являются застывшими образованиями, а развиваются и изменяются по прошествии времени.

По *степени осознанности* нормы подразделяются на *осознанные, частично осознанные и неосознаваемые*. Здесь следует отметить, что осознание норм может быть рациональным (нормы воспринимаются как внешне необходимые) и интернализированным (нормы органично превращаются во внутреннюю привычку, потребность).

Кроме того, нормы функционируют на трех уровнях: в поведении людей, в их отношениях и в человеческой деятельности в целом. Поведение людей регулируется правилами, предписанными обычаями (простейшие нормы). Устойчивые отношения между людьми, основанные на каком-либо принципе (норме), осознанно выбранном в качестве стержневого, приводят к образованию более или менее прочных объединений (например, религиозно-нравственных союзов и братств или семейно-брачных союзов, где сочетаются взаимные влечения, материальные интересы и нравственный выбор). И наконец, человеческая деятельность сознательно подчинена определенной цели, направлена на осуществление конкретного идеала (высшей нормы) в соответствии с принятой системой ценностей (более подробно см. гл. 2, § 2).

Указанные классы норм тесно связаны друг с другом. Предельно общие нормы (всеобщие) включают в себе максимум требований, предъявляемых к субъекту в определенном отношении. Вместе с тем они являются и наиболее абстрактными и обнаруживают свой предметный смысл лишь в конкретизации, в обращенности к действительности, т. е. во взаимосвязи с другими принципами и частными нормами.

Таким образом, предложенная классификация, методологически опирающаяся на деятельностный подход к сущности человека, различает нормы по многим основаниям. В результате образовалась сложная, переплетающаяся, растущая своими частями друг в друга структура, что отвечает требованию разностороннего рассмотрения сложного социокультурного феномена нормы.

§ 6. Противоречивость бытия нормы в контексте культуры

Такая характеристика, как нормативность, присуща в той или иной степени в различных своих проявлениях (как это было показано

выше) разным сферам человеческой деятельности: практической, теоретической, коммуникационной.

Наиболее логичным представляется рассмотрение бытия норм с точки зрения их проявления и функционирования в культуре. Действительно, культура – феномен, вобравший в себя различные формы материального и духовного освоения мира вещей и мира человека – производство, религию, философию, искусство, нравственность, науку, человеческое общение, а также продукты этого процесса. На этой ступени проникновения в окружающую действительность проявляется такая сущностная черта человека, как осознанное целеполагание и выбор средств и путей достижения поставленных целей с последующей ответственностью за то и другое.

Рассмотрим функционирование норм в культуре, обращаясь большей частью к нравственной стороне последней, что вовсе не означает, что культура распадается на отдельные составляющие. Она – неразделимое целое. Однако не каждый человек является художником, философом или ученым, зато каждый, постигая имеющиеся в данной культуре социальные нормы, способен не только отразить их, усвоить, интериоризовать, но и в состоянии сам выбрать или выработать их совокупность, отвечающую только его личному представлению о нравственном.

Исходя из зафиксированного нами понимания норм как суждений, несущих знания о должном; требований, которые определяют должное с точки зрения сообщества поведение людей и регулируют его; образцов, служащих для оценки последнего этим сообществом; идеалов (целей), на которые направлена деятельность индивидов, еще раз подчеркнем, что *они свойственны только человеку*.

Поведение человека включает не только осознанные в полной мере поступки, но и действия, определяемые инстинктивными механизмами. Можно ли такое поведение человека считать подчиненным нормам?

К. Лоренц, анализируя категорический вопрос И. Канта «Могли ли я норму своего поведения возвысить до уровня естественного закона, или при этом возникло бы нечто, противоречащее разуму?», делает вывод, что «все поведение, в том числе и инстинктивное, окажется в высшей степени разумным; при условии, что оно выполняет задачи сохранения вида». При этом противоречие разуму «возникает

лишь в случае нарушенной функции какого-либо инстинкта. Отыскать это нарушение – задача категорического вопроса, а компенсировать – категорического императива». «Если инстинкты действуют правильно... (то кантовский вопрос. – *Е. П.*) имеет бесспорно положительный ответ, ибо эта норма уже сама является таким законом!» [153, с. 27].

Очевидно, не стоит преувеличивать разумность инстинктивного поведения, просто его действительная четкость срабатывания в «нужных» ситуациях создает видимость разумности.

В подтверждение сказанного приведем простейший пример высконравственного поведения людей, которое на поверку оказывается инстинктивным. Если в воде тонет ребенок, то взрослый человек, находящийся рядом, не задумываясь, бросается его спасать. Что это? Как интерпретировать данное поведение?

Безусловно, поведение взрослого в данном случае является моральным, однако, разумно ли оно? Было ли время, чтобы проанализировать возможные варианты поступка? Очевидно, что нет. Действия были инстинктивными, но от этого они не воспринимаются как неморальные. Просто человек повел себя *естественным* образом, в полном соответствии с принципом сохранения вида.

Если представить ситуацию, когда спасать бы пришлось взрослого человека, то даже мысленно вполне можно представить, как потенциальный спасатель задумывается, расценивает свои силы и т. д., а может и выбрать бездействие, если у него на это есть причины: личная вражда, например. В случае угрозы жизни ребенка норма поведения взрослого человека становится естественным законом, точнее, естественный закон его инстинктивного поведения стал моральной нормой.

Таким образом, инстинктивное поведение, если оно работает без сбоев (исключение составляет инстинктивно агрессивное поведение), чаще всего не несет в себе отрицательный заряд (неразумность, аморальность). Более того, как раз подавляя инстинкты, человек подчас действует неразумно, хотя и в соответствии с нормами, которые даже санкционируются обществом. Опираясь на слова Ф. М. Достоевского о том, что никакое светлое будущее не стоит единой слезинки ребенка, уроненной во имя его достижения, вспомним детские «крестовые походы» XIII в., в ходе которых погибли десятки тысяч немецких

и французских детей; жестокое обращение с детьми в семьях, члены которых находились в прежние времена или находятся сейчас в состоянии стресса по социальным, чаще экономическим, причинам и пр. Все это ненормально, аморально и неестественно. Ни в одном животном сообществе не наблюдается подобное отношение к детенышам, если в порядке психика взрослого индивида.

Так что человек плох не потому, что его «давят» животные инстинкты, и хорош не из-за морали, имеющейся в обществе. Он плох или хорош вследствие того, какое поведение он выбирает, ориентируясь на некоторую цель. А выбирать (и, кстати, отказаться от выбора) он может именно потому, что он человек.

Поясним эту мысль, обратившись к другой работе К. Лоренца. Он считает, что «отбор, определяющий структуры и функции некоторой культуры, менее строг, нежели отбор при изменении вида, поскольку человек уклоняется от факторов отбора». Это уклонение все более активно происходит по мере того, как человек овладевает окружающим пространством. «Поэтому в культурах нередко встречается нечто, едва ли возможное у других видов животных, – так называемые избыточные образования, т. е. структуры, характер которых не может быть выведен ни из какой-либо функции, полезной для сохранения системы, ни из более ранних форм этой системы» [154, с. 44]. Лишь человек, наделенный разумом, может накапливать и «носить с собой» все то «лишнее», чего нет у дикого животного. Человек – существо избыточное по определению.

Возвращаясь к началу размышлений, в качестве утверждения зафиксируем следующее. Поскольку нормативность свойственна и культуре в целом, и отдельным ее граням, само бытие нормы как компонента культуры отличается двойственностью. Следствием этого является основное противоречие в функционировании норм, которое порождает понимание самой нормы: ведь норма – это и идеальный образец, абсолют, и реальная норма, или норма в действии. Норма как абсолют всегда абстрактна, фактическая норма – конкретна.

Особенность любого культурного явления состоит в слиянии мысли и действия, в его постоянной направленности на бытие. Это утверждение справедливо в отношении произведений искусства (литературы, живописи и т. п.), когда личность не просто созерцает, а пытается постичь смысл, оценить, пропустить через свой внутрен-

ний мир и затем результат осмысления ввести в свою жизнь, приложить к своему бытию. В отношении философских трактатов, которые вообще появляются, как попытка ответа на насущные вопросы человеческого бытия, данный тезис также работает (здесь те же поиски смысла, та же оценка, то же преломление: а подходит ли это мне?). Выход научных достижений на реалии жизни, их направленность на действие также очевидны. Нравственность как явление культуры тоже дает значительную пищу для размышлений, поскольку неразрывно связана с поступком.

Утверждая, что бытие норм в контексте культуры противоречиво, следует обратить внимание на следующие две отличительные черты самого феномена культуры. Во-первых, любое проявление культуры всегда субъективно и конкретно. В наличии оказываются два субъекта. Первый находится внутри самого культурного явления, поскольку является творцом, чьи мысли, чувства, ощущения отражаются в этом явлении. Второй субъект воспринимает культурное явление. Он может по-своему оценить и пережить его. Конкретность культурного явления предполагает определенное время, место, ситуацию, бытие «здесь и сейчас», иначе оно просто теряет смысл. Во-вторых, любое культурное явление включает в себя как бытие, так и небытие, поскольку предполагает свое отрицание, не существует без него, базируется на нем [124, с. 22].

Фактической норме как феномену культуры свойственны те же черты, что и культуре в целом, а именно, субъективность и конкретность, с одной стороны, и единство бытия и небытия, – с другой.

Субъекты (внутренние и внешние) культурных явлений постоянно осуществляют ситуационные, пространственно-временные акты выбора «здесь и сейчас» возможного действия в соответствии с некими отмеченными идеями, носителями которых они являются. Другими словами, единичные культурные события подчинены общим идеям, принципам, правилам. Уже здесь проявляется противоречивость функционирования нормативного. Оказывается, что «сами эти общие идеи, в свою очередь, подчинены своим носителям, индивидуальным, конкретным Я, субстанциальным деятелям, которые применяют их для систематического осуществления своей деятельности» [160, с. 110].

Более того, в отсутствии «творчески деятельных индивидуальных Я» эти отвлеченные общие принципы, лишенные творческой ак-

тивности, по-видимому, оставались бы без применения, будучи нереализованными. А это означает, что «в конечном итоге общее отвлеченное (формальные принципы, типы жизни и т. п.) оказывается подчиненным конкретному индивидуальному» [160, с. 110]. Применительно к социальным нормам это проявляется, например, в сосуществовании простых норм морали и абсолютных норм нравственности.

В простых жизненных ситуациях моральный выбор осуществляется почти «автоматически», поскольку прямолинейные, однозначные нормы мгновенно подсказывают шаблон должного поведения.

Личность, живущая в любую культурную эпоху, осознает свое стремление «считаться полноправным членом общества, способным активно участвовать в общем деле и, следовательно, иметь право пользоваться всеми выгодами человеческого общества» [295, с. 58]. Она достигает этого, стремясь выполнить ожидания и требования общества, во-первых, «от всех и везде», а также «от него в частности, сообразно с занимаемым им положением» [295]. Однако, как точно заметил А. Шопенгауэр, «добродетели не учат, так же как не учат гениальности» [296, с. 4]. В сложных нравственных коллизиях, «в трагедийные моменты нашей жизни такие нормы отказывают, обнаруживают свою вне-нравственную закраину», – писал В. С. Библер [29, с. 7]. С этим трудно не согласиться. Действительно, бывает, что поступок морально необходим и невозможен одновременно, ибо морально запрещен.

Представим ситуацию: X оказывается свидетелем попытки убийства Y неким Z . Абсолютная заповедь «Не убий!», являясь осознанной душевной готовностью, несет в себе противоречие. «Не убий!» обращено к X , но это и требование к Z и, опосредованно, снова к X – «Не дай убить другого человека!». В совокупности с нормами «Помоги ближнему!», «Защити слабого!» она побуждает X вмешаться. Но до какого поступка вмешательство X будет нравственным? Если X убьет Z (иначе, допустим, предотвратить убийство нельзя), дабы помешать убийству Y , или если он не вмешается, дав Z совершить убийство, то в любом случае с точки зрения абсолютной нормы он виновен.

Следовательно, с одной стороны, личность вынуждена отвлекаться от этой абсолютной нормы (и других абсолютных норм в схожих ситуациях), привлекать себе на помощь весь свой жизненный нравственный опыт и принимать свободное решение, чтобы совершить достойный поступок. Свобода морального выбора личности оз-

начает «возможность поступать так или иначе, способность сравнить и предпочесть варианты поведения, сознательно определить свою позицию» [20, с. 40]. С другой стороны, поскольку свобода поступка обязательно предполагает личную ответственность за его последствия, человек должен быть готов к тому, что как бы он ни поступил, какой бы выбор ни предпочел, всегда найдется некто, способный его осудить и, как правило, осуждающий.

Вообще абсолютные нормы абстрактны, в реальной жизни людей любая норма требует своей конкретизации, иначе она не выполняется. Конкретизация эта должна быть приземленной, адаптированной к реальным условиям формулировкой абсолютной нормы, иначе она не может быть усвоена с тем, чтобы войти в практику поступков.

Так, в результате некоторого анализа можно заметить, что, несмотря на позитивность доктрин, которые предлагали различные реформаторы на протяжении человеческой истории, они стали фактом массового сознания не сразу, а «лишь после того, как рядом с Христом появился Павел, рядом с Марксом – Ленин. И всякое «Не убий!» (заповедь, отчетливо сформулированная христианством, но составляющая ядро едва ли не любой действующей религиозной доктрины) получило конкретизацию: кого, когда, за что» [196, с. 93].

Крайним выводом из абсолютизации первого аспекта, характеризующего бытие нормы как феномена культуры, а именно то, что она субъективна и конкретна, может быть своего рода этический антинормативизм. Подобная позиция была свойственна философским воззрениям таких мыслителей, как Кьеркегор, Ницше, Шопенгауэр, провозгласивших тезис, согласно которому нравственность не нуждается в общезначимых нормах. Ведет ли признание такой позиции к ценностному хаосу? На наш взгляд, – нет. Поскольку данное философское положение, по-видимому, означает, что свободным выбором поступка в экстремальных ситуациях личность осуществляет нормотворчество, созидает нравственные нормы, являющиеся неразрывным единством мысли и действия, должного и сущего, потенциального и актуального. И чем более обобщенными они являются, чем большее число людей задумывается, осмысливает их значение, тем вероятнее их отражение в культурной памяти в виде надвременных (и ситуативных одновременно) нравственных образов (Прометей, Гамлет, Дон-Кихот и др.).

Говоря о противоречивости функционирования норм в контексте культуры, мы отмечаем вторую отличительную черту культурных феноменов, заключающуюся в единстве бытия и небытия. Это весьма характерно для нормы, поскольку есть возможность ее отрицания или нарушения.

Рассматривая это утверждение, вычленим два аспекта. Во-первых, всякое положительное усматривается в сравнении с отрицательным и на его фоне: любому богу нужен свой дьявол, а истинная вера почитает за долг борьбу с ересями. На обыденном уровне народная пословица закрепила понимание этого момента в пословице «Друзья познаются в беде», т. е. только в негативном, через него, посредством него можно оценить позитивное: Добро на фоне Зла, Красоту на фоне Безобразия, Правду на фоне Лжи и т. д. В качестве самого очевидного примера, подтверждающего это утверждение для норм, рассмотрим нормы «Не кради!», «Не лги!» и т. п. Они существуют в течение тысячелетий, и это бытие не только протекает на фоне тысячелетнего же их отрицания негативными примерами, но они только и возможны на этом фоне.

Во-вторых, всегда имеет место не просто сосуществование должного и недолжного поведения, а такое их сосуществование, когда некоторые формы недолжного поведения рассматриваются (при определенных, оговоренных заранее условиях) как норма (в смысле должное). Примером тому могут служить древнеримская культура (сатурналии, когда рабы помыкали господами, а те им прислуживали) и культура Средневековья (карнавалы, во время которых возможным становилось кощунственное поведение, нарушались нормы приличия).

Почему в рамках названных культур подобные праздники не только допускались, но и поощрялись?

Очевидно, тому есть две причины. Первая – стремление человека к свободе. Потребность в освобождении от гнета социальной иерархии и социальных норм, расслаблении и «разрядке» как «низов», так и «верхов», отсюда смена социального статуса и переодевания во время «праздников дураков» (можно привести в качестве примера аналогичные потехи Петра I). Другая причина вытекает из необходимости регулировать поведение граждан. Стремление к беспорядку, к проявлению темных сторон человеческой души правители пытались «канализировать», «сделать их, насколько это возможно, безопасны-

ми, дав им возможность проявляться лишь на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, заключив тем самым в тесные рамки, которые они не в силах переступить» [58, с. 47], что, по сути, делало их нормой.

Налицо двойственность нормативного. Поскольку беспорядок (нарушение нормы) допускался всего на несколько дней, официально отведенных для этой цели, он отчасти «регулировался» этим временным интервалом и не нес в себе ничего непредвиденного, то, несмотря на кажущееся выпадение из обычного распорядка вещей, этот разлад как бы включался во всеобщий порядок, «нормализовался».

Другим примером «мирного» бытия, сосуществования нормы и антинормы, должного и недолжного поведения является отмеченный Б. А. Успенским феномен «двуязычия, двоеверия, двукультуры в истории русской культуры допетровского времени» [34, с. 51], который состоял в том, что сформировались две принципиально различные системы нормативного. И дело заключалось не в том, что у разных социальных слоев были разные представления о должном, закрепленные соответствующими нормами, а в том, что одно и то же лицо, находясь в различных ситуациях, должно было вести себя по-разному, часто противоположным образом. Так, недопустимым считалось использование церковно-славянского языка где-либо помимо сакральных ситуаций. «Кошунственным оказывалось не использование житейского, простонародного языка в житейских, “срамных” ситуациях, а, наоборот, отказ от этого “подобающего” ситуации, месту и времени языка и норм словесного и обрядового поведения». Другими словами, в кабаке должно было ругаться, и не должно молиться. Вообще «божьба в неподобающем месте и случае рассматривалась как оскорбление святого» [34, с. 52]. Таким образом, не только допускалось, но и требовалось «антиповедение».

В продолжение изложенного затронем факт наличия сквернословия (как разновидности инвективной речи) практически во всех этнических культурах. Есть мнение среди исследователей этого феномена, согласно которому нарушение табу на инвективу, как и любое другое нарушение запрета, «преследуют одну и ту же цель: достижение катартического разрешения от сильного эмоционального или физического напряжения» [88, с. 299]. Например, многие оправдывают брань солдат в гуще боя и т. п. «С помощью инвективной лексики

человек получает уникальную возможность нарушить чуть ли не все существующие запреты и притом сделать это сравнительно легким способом» [88, с. 301], ведь, безусловно, не все, что говорится, – делается в действительности. Порой достаточно просто «выпустить пар», не воплощая содержание сказанного в поступок. И хотя само по себе сквернословие является отрицательным явлением, но в случае замены им реальных негативных действий, оно – благо.

Эти примеры отчетливо показывают, что бытие нормативного и антинормативного в культурных явлениях отражают единство бытия и небытия самого феномена культуры. Происходит утверждение культуры на фоне и даже на базе ее отрицания (антикультуры). Это тем более верно для наших дней.

Современная социокультурная ситуация отличается ярко выраженной двойственностью нормативного. Сильнейшие эмоциональные, моральные, физические стрессы, переживаемые отдельными людьми и целыми народами, приводят к двойному стандарту, двойному сознанию: думаю одно (как должно), а делаю другое (как не должно). Появляется «карнавальное» мироощущение и аналогичный тип деятельности как способ выжить в трудных условиях, на крутых поворотах истории. Срабатывает психологический закон, согласно которому «в момент кризиса вводятся все резервы психики, что и дает в итоге нетривиальные способы поведения» [127, с. 182]. И тогда начинается процесс изменения имеющихся и становления иных вкусов, оценок, ценностей, норм, который усиливается в переломные моменты жизни личности.

Таким образом, в данной главе было рассмотрено понятие нормы. Норма как форма должного представляет собой суждение, которое фиксирует знание о должном; выступает в качестве требования, оптимально регулирующего должное с точки зрения сообщества или его институтов поведение индивида или социальной группы; является эталоном оценки сообществом этого поведения или деятельности в целом; а также может трактоваться как идеал (цель), к которому стремится человек в своих действиях. Вопрос о месте нормы в деятельности человека решался в трех аспектах. Во-первых, категория нормы была сопоставлена с рядом других, близких по смыслу терминов. Во-вторых, был рассмотрен феномен инстинкта. Показано, что норма, хотя и стандартизирует действия, и в этом смысле близка к ин-

стинкту, существенно отличается от него. В частности, это отличие заключается в том, что норма предусматривает выбор, а инстинкт как регулятор однозначен. Кроме того, норма предполагает широкое варьирование внутри, а инстинкт действует прямолинейно. В-третьих, проанализированы соотношения творчества и нормативности. Было выяснено, что противоположность творчества и нормативности не исключает их связи. Творчество подразумевает определенные нормы, подчиняется им. Важнейшей чертой нормы является то, что определяет степень свободы, обеспечивает относительную безопасность творчества. Наконец, были определены две основные формы бытия нормы – это норма в ее идеальном бытии и норма в действии. Нормы в психике индивида функционируют как потенциальные регуляторы деятельности человека, и в то же время бытуют в самих процессах поведения или деятельности, выполняя регулирующую функцию. Установлено, что взаимодействие между указанными формами бытия нормы носит диалектический характер.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОРМЫ

§ 1. Познавательный характер нормы

Нормы – это формы мысли, суждения, которые содержат определенную информацию, знание о должном. Это знание функционально подчинено главной – регулятивной роли норм и этим отличается от научного знания. В то же время нормы не являются абстрактными, «чистыми» формально-логическими построениями, они связаны с действительностью, сущим.

К. Маркс отмечал, что помимо научного, людям присуще еще «художественное, религиозное, практически-духовное освоение мира» [173, с. 728]. Если бы в нормах отсутствовала информация о должном поведении, о поступках, которые сообщество требует, разрешает, запрещает и т. д. от субъекта, то они не смогли бы выполнять свое главное назначение – регулировать поведение, отношения и в целом деятельность людей. Следовательно, норму (наряду с ценностями и оценками) можно толковать как категорию духовно-практического освоения человеком действительности.

Освоение действительности предполагает ее отражение, которое не должно «распадаться» на обособленные части: познавательную и оценочную (научное и нормативное отражение). Та и другая дают знание (соответственно научное и венаучное).

Как было уже сказано выше, норма фиксирует определенную схему действий, содержание которой находится в зависимости от вида протекающей деятельности, отражает специфику последнего. Фиксация эта наступает после неоднократного апробирования этой схемы, т. е. после того, как субъект деятельности (будь то индивид или какое-то сообщество, включая человечество в целом) в результате выполнения именно этой совокупности операций достигал определенной цели.

Процесс этот происходит таким же образом, как и при выработке правил мышления – логических законов: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры

могли получить значение аксиом» [143, с. 164]. Относительно формирования норм нравственности аналогичное высказывание сделал еще Аристотель, который считал, что «...(повторение) одинаковых поступков порождает (соответствующие нравственные) устои» [8, с. 79].

Мораль, право, религия, наука и другие формы общественного сознания, а также соответствующие этим способам духовно-практического освоения мира нормы являются отражением объективной действительности. Это положение, как правило, ни у кого не вызывает сомнения. Дальнейшие же исследования приводят к расхождениям.

В рамках общеаксиологического подхода (и деонтической логики) утверждается, что нормы являются отражением, но не познавательным, а оценочно-нормативным [99 и др.]. Так, в отношении правовых норм существует убеждение в их исключительно оценочном и прескриптивном характере. Утверждается, что поскольку нормы отражают не то, что есть, а то, что должно быть, они не являются дескриптивными [288].

Исследователи в области философии права (В. К. Бабаев, И. Я. Дюрягин, Н. Неновски, Р. О. Халфина и др.) считают, например, что правовые нормы, будучи отражением, обладают прескриптивным, описательным содержанием, которое усиливает познавательный характер нормы в целом. То есть, являясь формой познания, нормы имеют и соответствующее познавательное содержание, а значит, их можно рассматривать как верное или неверное отражение. С этим утверждением нельзя не согласиться; более того, можно распространить этот подход не только на правовые нормы, но и на моральные, религиозные и другие виды норм. Сопоставим понятия «истинность» (истина), «правильность», «праведность» и «адекватность» в целом и выясним их применимость к нормам.

§ 2. Соотношение истинности, правильности и праведности как возможных характеристик нормы

Проблема истинности столь же древняя, как и занимающаяся ею философия. Существуют различные концепции истины. Вслед за Л. В. Денисовой отметим две из них. Согласно одной, под истиной понимается соответствие содержания понятия чувственной вещи. Другая, названная Л. В. Денисовой метафизической, трактует истину как соответствие

самой вещи понятию [78]. Ко второй концепции мы еще вернемся в § 4 настоящей главы, а пока остановимся на первой.

Традиционно понятие истины употребляют применительно к знанию или суждению. Истина – знание в его отношении к реальности (сущему). За этим понятием, считает А. Г. Спиркин, стоит отражение, воспроизведение познающим субъектом объекта «таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания» [276, с. 226]. Результатом познания является образ, который выступает объективной формой вещи. При существенных отличиях чувственно-наглядных и понятийных образов, полагает К. Н. Любутин, имеет место единство в главном: «Они являются продуктом активного творческого отражения объекта, воссозданием генетических и структурных закономерностей объекта идеально» [210, с. 17]. Образ объекта (вещи) существует только в отношении субъекта к объекту, тогда как сам объект независим от познающего субъекта.

При характеристике понятия «истина» применительно к суждению мы опираемся на классическую концепцию, идущую от Аристотеля: суждение истинно тогда, когда оно связывает то, что связано в действительности, и разделяет то, что в действительности разделено. Он считал, что «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное – связанным, а ложное – тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами» [7, с. 250]. То есть истинным будет такое суждение, утверждение или отрицание, которое в точности соответствует действительному положению дел. Таким образом, он фактически связывал понятие истины с отражением человеком объективно существующего предмета, его связей и отношений.

Платоновское учение о мире идей и мире вещей и их взаимодействии, по сути, тоже поднимало проблему отражения. Платон считал чувственные вещи отпечатками сверхчувственных идей, идеальных образцов, которые являются прототипами вещей. В диалогах Платона исследователи вычленили три основных аспекта взаимоотношений этих миров:

- 1) вещи *подражают* идеям как своим образцам, таким образом, обнаруживая сходство с ними;
- 2) вещи *участвуют* в идеях как отдельные в общем;

3) идеи *присутствуют* в вещах («приходя» к ним и «удаляясь» от них, что обусловливает сходство или различие между идеями и вещами) [108, с. 158].

За этим можно усмотреть пусть идеалистический, но все-таки зародыш теории отражения.

Интерпретируем истину как такое отражение объективной действительности, при котором познаваемый предмет воспроизводится так, как он существует. В соответствии с данным пониманием к истине относится «объективное содержание человеческих ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий, проверенных общественной практикой» [276, с. 345].

Понятие «правильность» не столь жестко определено в классической традиции. Употребляется оно многозначно, в обыденном мышлении как синоним истины. При этом правильность выступает характеристикой деятельности, а не суждения или знания. Основой поведения, отношений и деятельности в целом является действие, поступок. Правильность выступает как характеристика действия, соответствующего правилу, т. е. норме.

В одном ряду с рассматриваемым термином «правильность» располагается понятие «праведность». В рамках христианского церковного учения праведность является характеристикой, применимой к людям, которые своей жизнью доказали приверженность Богу, стойкость духа в следовании, прежде всего, заповедям, т. е. религиозным нормам высшего порядка. О таких людях говорят, что они ведут праведный образ жизни.

Отличие таких характеристик, как правильность и праведность, применительно к поведению, отношениям и деятельности людей, принадлежащих к религиозному сообществу, заключается в следующем. Во-первых, эти понятия не совпадают по объему. Правильность является более широким по значению термином. Правильное поведение – всякое поведение, соответствующее правилам. Система религиозных норм, например, в рамках иудео-христианской традиции чрезвычайно сложна и многокомпонентна. Ее можно представить в виде пирамиды, в мощном основании которой покоятся сотни разнообразных правил-требований должного поведения, касающихся одежды, питания, отношений индивида с другими людьми, семьей, религиозной общиной, обществом в целом и, наконец, с Богом. Нельзя быть праведником, не

выполняя все эти правила, — это является необходимым, но не достаточным условием, поскольку можно придерживаться этих правил формально, скрупулезно выполнять все требования, но не продумывать свои поступки, не полностью осознавать их, следовать этим правилам по обычаю или по привычке. Такие люди могут раздражать Бога, потому что они *«как бы»* (курсив мой. — Е. П.) Бога носят в руках своих» [30, Иов. 12:6], а в действительности давно пренебрегают Им. Другими словами, мало только выполнять, пусть даже очень тщательно, эти нормы-правила нижнего, основного уровня рассматриваемой пирамиды религиозных норм, это, в общем-то, не очень сложное дело, а значит не всякий такой человек отмечается.

Праведность предполагает безусловное осмысление верующим человеком своего поведения, отношений и деятельности в настоящем, а также в прошлом и будущем. Праведником, например, является Иов многострадальный, который молился и совершал жертвоприношения за своих взрослых детей, говоря, «может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем» [30, Иов. 1:5]. Праведниками считают людей совершенной нравственности, которые пребывали в мире не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни. Тем труднее им было, поскольку много соблазнов их окружало. Праведность — это высокая степень связанности с Богом, причем не по внешним критериям, а по внутренним, душевным характеристикам, соединенным с осознанием своей деятельности и той цели, на которую ориентирована жизнь верующего человека.

Таким образом, «праведность» является более узким понятием, чем «правильность», так как применимо только для оценки жизни верующего человека.

Большую роль, прямо или косвенно, играет понятие «правильность» в юриспруденции, например, в гражданском и уголовном праве. В уголовном праве, когда устанавливается факт преступления («событие преступления»), по существу используется обычное понятие истины. И в определении состава преступления в значительной степени используется это понятие (умысел или халатность были проявлены преступником на самом деле, т. е. устанавливается соответствие факту). Но при квалификации преступления, по сути дела, идет анализ на правильность, т. е. речь идет о соответствии нормам, закону (по какой статье квалифицировать данное преступление).

Выражение «судебная истина» включает в себя и истинность и правильность (впрочем, как и выражение «судебная ошибка» – ложь и неправильность соответственно).

По отношению к такому виду деятельности, как познание, говорят о правильном мышлении как процессе. Процесс не может быть истинным или ложным, таковым может быть только результат познания. А о процессе можно сказать: «Ты действуешь правильно». Поэтому очевидно, что наиболее точной была бы трактовка понятия «правильность», вытекающая из самого слова: правильный – значит соответствующий правилам, например, в случае мышления – правилам логики.

Какую роль в логике играет вопрос об истине? Здесь уместно воспроизвести знаменитый «парадокс лжеца», который формулируется в нескольких различных версиях. Одна из них принадлежит представителю мегарской школы Эвбулиду (IV в. до н. э.), который рассматривал такую ситуацию: «То, что я говорю сейчас, – ложно». Данное предложение истинно, если то, что говорит этот человек, ложно, т. е. если само это предложение ложно. Но оно может быть ложным только тогда, когда то, что он говорит, не является ложным, т. е. если анализируемое предложение истинно. Итак, предложение, сформулированное античным философом, истинно тогда и только тогда, когда оно ложно. Многочисленные попытки разрешить парадокс лжеца в наше время трансформировались в задачу построения непротиворечивой логической теории истины [310, 311, 313].

Известно, что собственно истина логике как бы и не интересует. Круглая Земля или плоская – это не логический вопрос. Это вопрос физики или географии, но никак не логики. Для логической теории истины по существу безразлично, по какой причине высказывание «Снег бел» истинно, то ли потому, что действительно снег бел, то ли просто по соглашению. Для логики важнейшим вопросом является вопрос о следовании одного суждения из другого, а не вопрос об их истинности – вот что важно для логических отношений. Не истинность самих суждений как таковая, а лишь соотношение их истинности. Умозаключение правильно, если при истинности посылок заключение не может быть ложным; в противном случае оно неправильно. Гарантией правильности умозаключения является наличие отношений следования между посылками и заключением, которое именно

в том и состоит, что ложность посылок при истинности заключения невозможна.

Как видим, возникает вопрос о соотношении истинности и правильности. Правильно полученные результаты внутри логических систем обычно не характеризуются с точки зрения истинности в гносеологическом смысле, поскольку выведенное соответственно правилам логики из ложных посылок утверждение, являющееся с точки зрения логики истинным, не будет таковым на самом деле, т. е. не будет отражать действительное состояние предметной реальности.

Вопрос о соотношении истинности и правильности рассматривался в античной философии Платоном и Аристотелем в учении о добродетелях. Платон считал, что поскольку «сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность, безотносительно к нам и независимо от нас, и не по прихоти нашего воображения их влечет то туда, то сюда, но они возникают сами по себе, соответственно своей сущности», а «(действия) представляют собою один какой-то вид вещей» [217, с. 419], то действия, чтобы они были успешными, человек должен производить тоже в соответствии с их собственной природой. Например, если нам захотелось произвести действие разрезания какого-либо предмета, то надо «разрезать вещь в соответствии с природой разрезания, т. е. в соответствии с тем, как надо резать и подвергаться разрезанию», а не как нам заблагорассудится, и лишь «тогда мы можем эту вещь разрезать и у нас это получится, и мы поступим правильно» [217, с. 420]. Поступая против природы вещей и действий, люди совершают ошибку, ведущую к бесплодной деятельности. Понятие «правильный» Платоном используется в смысле «соответствующий правилам». Возникает вопрос, а может и не надо было резать? *Можно* разрезать, но *не нужно* разрезать!

Каждое отдельное действие связано с другими и с обстоятельствами его совершения. Такая совокупность действий, ведущая к осуществлению некоторой цели, составляет поступок. Отдельное действие может быть правильным, но поступок в целом может не соответствовать, например, благу как высшей цели, норме-идеалу.

Взяв платоновский пример с действием разрезания, представим, что его проделывает вор, пытаясь проникнуть в сумочку пассажирки автобуса с целью похищения кошелька. Очевидно, он приготовит острый инструмент и совершит действие правильно (в соответствии

с природой разрезания и разрезаемого предмета). Но как охарактеризовать поступок этого человека?

Если провести сравнение данного поступка с современными нормами человеческих отношений, с одной из главных – «Нельзя красть!», то окажется, что он им не соответствует. И хотя о поступке говорят, что он «правильный» (или «неправильный»), необходимо ввести другое понятие, тоже означающее соответствие, но иного порядка, чем просто соответствие правилам.

§ 3. Адекватность и норма

Рассмотрим понятие «адекватность», которым пользуются весьма часто и повсеместно. Философское понимание этого термина восходит к его этимологическому значению: *adaequatus* (лат.) – приравненный, равный (соответствующий, соразмерный, верный, точный).

В отечественной философской литературе понятие адекватности используется в гносеологии «для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности», при этом оно совпадает с категорией «истина», ибо последняя определяется как «адекватность мышления бытию» [276, с. 13].

В истории философской мысли понятия истинности, правильности, адекватности большей частью не разводились, считались тождественными. Так, в рассуждениях Б. Спинозы в введенном им понятии «адекватная идея» (*idea adaequata*), несмотря на подчеркиваемое отличие от идеи истинной, явно наблюдается смешение адекватности и истины. Под адекватной идеей он понимает такую идею, «которая, будучи рассматриваема сама по себе без отношения к объекту (*objektum*), имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи» [260, с. 403]. Внешний признак – признак «согласия идеи со своим объектом (*ideatum*)» – не принимается во внимание. Это признак истинной идеи, которая «отличается от ложной только согласием со своим объектом (*ideatum*)». Основной критерий истинности для Спинозы – ясность и очевидность. Он спрашивает: «Какое мерило истины может быть яснее и вернее, как не сама истинная идея?», и отвечает: «Как свет обнаруживает и себя самого и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи» [260, с. 440].

Христианское сознание считает Библию непреложной истиной, естественно, истиной являются и отдельные ее части, главы, строки. Так, Д. Локк фактически ставил знак равенства между истиной как результатом научного знания и истинностью нравственных библейских максим. Он писал: «Существуют основные истины, которые служат фундаментом, основанием для множества других, получающих от первых свою прочность. <...> Таково удивительное открытие господина Ньютона, что все тела тяготеют друг к другу, которое можно принять за фундамент натуральной философии. <...> Великое правило нашего Спасителя, что “мы должны любить ближнего, как самого себя”, является такой же основной истиной для регулирования человеческого общества, так что, по моему мнению, она одна могла бы без всяких трудностей разрешить все случаи и сомнения в области социальной морали» [152, с. 252]. Локк считал, что и первое и второе не отличаются друг от друга, он делает акцент на их близость в логическом смысле, указывая, что и то и другое являются «выводимыми».

В современной философской литературе при гносеологической характеристике субъективного образа отмечается, что существуют различные уровни соответствия между образом и отображаемым объектом: гомоморфный, изоморфный и адекватный. Последний уровень является высшим, поскольку наиболее глубоко и полно отражает объект познания. «Адекватность образа, – отмечают К. Н. Любутин и Д. В. Пивоваров, – ... фиксируется в понятии объективной истины, диалектика процесса достижения адекватности – как диалектика абсолютного и относительного в истине» [210, с. 17].

Другими словами, налицо отождествление истинного и адекватного.

Однако существовал и другой подход. Например, Аристотель, проводя сопоставление правильности и истинности, часто использует термины «верность» и «разумность». Так, например, выражение «верное суждение», под которым подразумевается единство двух сторон – субъективной и объективной, относится им в одном случае к речи, где суждение «приказывает», «предписывает», «устанавливает» (словесная форма нормы). В другом случае оно применяется для характеристики соотношения, пропорции в самих вещах (объективное содержание нормы, отражающей должное).

Отсюда правило поведения людей может быть понято как добродетель, т. е. как верное соотношение в страстях и поступках. «Вер-

ное суждение» обращено не к познанию, а к поступку. Здесь слово «верное», относящееся к нравственной добродетели и соответствующее «правильному» в сфере человеческих дел и поступков, противостоит «истинному», относящемуся к сфере познания и соответствующему «правильному» в сфере абстрактного знания.

Когда Аристотель пишет о невоздержанном и дурном человеке, достигшем поставленной цели по расчету, как о человеке, принявшем правильное решение, но приобретшем великое зло, то он противопоставляет ему правильность решения, которое привело к благу. Такую правильность философ называл разумностью. Вместе с тем он отмечал, что «благо можно получить и при ложном умозаключении (т. е. силлогизме), а именно: получить то, что должно сделать, но способом, каким не должно, (потому что) ложен средний член силлогизма. Следовательно, такая правильность, в силу которой находят то, что нужно, но все же не тем способом, каким должно, не есть разумность в решениях» [8, с. 183]. По сути, введен третий термин, кроме истинности и правильности (верность, разумность), назовем его «адекватность».

Т. Гоббс сопоставлял высшие ценности, к которым относятся и нормы, не по линии «истина – ложь», а по линии «истинное – мнимое» и считал, что добро и зло могут быть как истинными, так и мнимыми, и это «зависит от совокупности условий, имеющихся в данный момент» [60, с. 240]. По-видимому, речь идет о конкретности, относительности добра или зла, их соответствии совокупности условий, т. е. об адекватности.

Таким образом, наряду с подходом, отождествлявшим понятия истины и правильности, существовала линия, достаточно четко разводившая их.

Познание социальных объектов является сложнейшим познавательным актом для индивидуального субъекта: оно предполагает теоретическое обобщение массы социальных фактов, которые – суть общественные действия личностей. Истина в гуманитарном познании – не только соответствие каким-то событийным фактам. Это не только отражение. Это выражение, оценка фактов субъектом с позиций своих интересов [210, с. 18]. Поэтому еще Ф. Энгельс заметил, что люди, сделавшие революцию, на другой день убеждались, что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать, они не

знали, что делали [210]. Справедливым представляется следующее утверждение А. М. Коршунова и В. В. Мантатова: «Социальная истина не есть простая констатация фактов: так было или есть в реальности. Социальная истина – это “прорыв” в мир ценностей, выражение идеала, идеализация возможностей» [129, с. 97]. Этапами, ступеньками оценочной деятельности, сформировавшимися в течение тысячелетий исторического развития человечества, являются добро – зло, истина – ложь, красота – безобразие.

Так, в науке имеют место модели, которые обоснованы, неоднократно апробированы, прекрасно работают. Научное сообщество их считает истинными. Но реальность многогранна, и в действительности этого часто оказывается недостаточно (дальнейшие научные исследования, расширение сферы применения и т. д.). Если пользоваться только истинными, проверенными и обоснованными моделями, то с точки зрения «чистой» науки все будет правильно, но эта ситуация никогда не устраивает подлинного ученого, да и для науки мало эффективен такой «бег на месте».

Можно ли охарактеризовать момент смены научной парадигмы, когда в сферу применения включаются еще не доказанные, логически не обоснованные, не апробированные и, может быть, противоречивые модели (которые учитывают самые неожиданные факторы и ведут к непредвиденному способу разрешения проблемы), как истинный или правильный? Истинным может быть результат познания, правильным – действие, совершенное по правилам. Здесь – ни то, ни другое; более того, еще нет результата познания, зато есть нарушение правил (выход за норму и создание новой нормы). Назовем эту ситуацию адекватной целям и задачам научного поиска.

Таким образом, проанализировав понятия «истинность», «правильность», «адекватность», мы выяснили, что в историко-философской традиции имеется два подхода к их соотношению: отождествляющий и разводящий эти термины.

Истинность – это соответствие знаний, действий, отношений вещам (или их свойствам). Правильность – это соответствие знаний, действий, отношений правилам (или их системе). Для случаев, когда налицо соответствие, но трудно (или вовсе нельзя) назвать его истинностью или правильностью, применимо понятие адекватности.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существует содержательная и глубокая аналогия между движением к абсолютной истине через ряд относительных истин и движением к абсолютным ценностям, идеалам и нормам через относительные ценности и относительно адекватные нормы.

§ 4. Адекватность нормы: гносеологические аспекты взаимосвязи должного и сущего

Когда говорят, что знания, поступки, нормы адекватны, то это значит, что они соответствуют чему-то. Правда, в обыденной речи, а иногда и в некоторых науках, слово «адекватный» употребляется без указания – чему. Например, в психиатрии говорят о неадекватном поведении. Это означает, что всем известно, чему оно не соответствует: нормам обычного (привычного) поведения.

Вопрос о том, чему соответствует сама норма, распадается на две части: чему *соответствует* – это есть проблема ее адекватности; чему *соответствует* – это проблема критерия оценки нормы на адекватность.

Как было выяснено выше, нормы, с одной стороны, фиксируют сущее, а с другой – имеют дело с должным. Нас интересует, отражает ли норма что-либо? И если да, то что? Другими словами, имеет ли она объективное содержание, и если да, то какое?

Рассматривая взаимоотношения должного и сущего, прежде всего следует заметить, что между должным и сущим имеется связь, гносеологические аспекты которой могут быть сведены к следующему. Идеалы и цели так или иначе отражают объективную реальность (истинно или ложно – это другой вопрос, но отражают). Поскольку нормы являются суждениями о совокупности действий, ведущих к сознательно поставленной цели, идеалу, то это не может не находить отражения в их содержании. Следовательно, нормы отражают нечто объективное, т. е. в них есть объективное содержание (несмотря на зафиксированное в формулировке должное).

На вопрос, отражает ли норма что-либо, практически все исследователи дают положительный ответ. Гораздо интереснее другой вопрос: *какое* объективное содержание имеет норма?

Поскольку речь идет о нормах, которые не только существуют в сознании, но и действуют, являясь фактическими, то необходимо при-

знать, что в нормах отражены связи между действиями, осуществляемыми в определенных условиях, для достижения цели и самой целью.

Из того, что нормы имеют объективное содержание, отражая нечто, вовсе не следует, что к ним можно применить понятие истинности. Это в отношении, например, естественнонаучных знаний можно говорить об их истинности или ложности. Уже отмечалось, что понятие истинности нельзя безоговорочно применять, когда анализируется такой феномен, как норма. Однако сложность применения понятия истинности к нормативному не означает, что к норме нельзя применить другой термин. Выше было предложено понятие «адекватность», на наш взгляд являющееся более подходящим.

Проблема адекватности норм перекликается с проблемой истины и ее критерия в гносеологии, вместе с тем существует и отличие. Истинность суждения о сущем есть его соответствие самому сущему, а адекватность нормы есть ее соответствие отношению сущего к должному.

Применительно к суждениям о сущем, начиная с Аристотеля, дана не только гносеологическая трактовка истины, но и разработан логический подход, согласно которому из одних истинностных суждений, не обращаясь к действительности, можно вывести другие истинностные суждения.

Мы установили, что нормы – это требования, определяющие должное (с точки зрения некоего сообщества) поведение и схемы деятельности людей, выполняя которые только и можно реализовать определенные идеалы, ценности, которые к тому же служат эталоном для оценки поведения людей этим сообществом (см. гл. 1, § 1). В широком смысле, норма – это знание о совокупности должных действий человека, ведущих к достижению поставленной цели. Как знание норму можно оценивать с точки зрения того, ведет она к цели или не ведет, но такая оценка не является истинностной.

Действительно, «ложное и истинное не находятся в вещах, так чтобы благо, например, было истинным, а зло непременно ложным, а имеются в (рассуждающей) мысли», – как писал Аристотель [7, с. 186], т. е. в мысли оценивающей. Другое дело, если норма преобразовывается в суждение: «Такое-то действие в такой-то ситуации ведет к такой-то цели». Это суждение можно оценивать на истинность или ложность после практической проверки на соответствие действитель-

ности. Кроме того, не всякое суждение может подлежать истинностной оценке, в частности суждения, касающиеся будущих событий. Должное связано с будущим.

Обращаясь в этой связи к должному, обозначим следующий вопрос: нельзя ли из одних адекватных норм вывести другие?

Логический подход к нормативному в истории философской и этической мысли возникал, правда, в не очень отчетливой форме, например, у Д. Локка, что отмечалось выше, и Б. Спинозы. Последний предпринял попытку аксиоматического построения этических рассуждений.

Б. Спиноза, исследуя взаимоотношения между сущим и должным, справедливо замечал относительность таких понятий, как добро и зло, хорошее или плохое. Он писал: «Что касается *добра* и *зла*, то они также не показывают ничего положительного в вещах, если их рассматривать самих в себе, и составляют...понятия, образуемые нами путем сравнения вещей друг с другом. Ибо одна и та же вещь в одно и то же время может быть и хорошей и дурной, равно как и безразличной. Музыка, например, хороша для меланхолика, дурна для носящего траур, а для глухого она ни хороша, ни дурна» [260, с. 523]. Это очень важная постановка проблемы, поскольку тем самым признается, что абстрактно понимаемые добро и зло ничего не могут фиксировать об объекте, о сущем.

Если вспомнить известный «принцип Юма», который состоит в утверждении, что с помощью логики невозможно перейти от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен», то окажется, что любая этическая концепция начинается с обычных рассуждений, описания поступков людей и т. д., а потом совершенно без всяких объяснений «происходит подмена в предложениях связок «есть» или «не есть» связками «должно» или «не должно». Д. Юм отмечает: «Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него...» [306, с. 618]. Таким образом, из описания не следует долженствование.

Д. Юм четко разводит сущее и должное и утверждает, что никакое суждение о сущем не может быть достаточным обоснованием для вывода суждения о должном. Все суждения о должном, базирующиеся исключительно на суждениях о сущем, с точки зрения философа, являются необоснованными.

Однако Д. Юм не подрывает локковский подход, который, как отмечалось, отождествлял истинность сущего и истинность должного в логическом смысле. Он в прямой форме говорит, что «различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами (т. е. на сущем. – *Е. П.*) и не познается разумом», эти «различия проистекают из нравственного чувства» [306, с. 618–619], т. е. из должного. Тем самым философ создает логическую предпосылку для доказательства того, что нормы не подлежат истинностной оценке, указывая, что к нравственным отношениям «неприложим критерий истины и лжи» [305, с. 676].

Говоря о невозможности логического выведения должного из сущего, Д. Юм вместе с тем не отвергает выводимость (логическую) должного из должного. Какое-то должное может быть (и должно быть) принято на веру, а какое-то – выведено.

§ 5. Проблема истинности нормативного высказывания в логике норм

Независимо от исследований в области этики данная проблематика возникла как продукт развития формальной логики, поскольку изучение норм в логическом аспекте рано или поздно выводили на проблему истинности нормативного высказывания. Однако, несмотря на постановку, она практически не решалась. Например, А. А. Ивина в работе «Логика норм» отмечает следующее: «Вопрос о том, приложимы к нормам термины “истинно” или “ложно” или нет, был и остается предметом споров. Представляется, что императивы или команды, правила игр, правила грамматики и т. п. не являются ни истинными, ни ложными... Менее ясен вопрос об истинностном значении методологических правил, правил логики и математики, обычаев и т. п.

Наибольшее внимание при рассмотрении проблемы истинности норм уделялось правовым и моральным нормам; но и здесь единство мнений пока не достигнуто. Решение проблемы истинности не входит

в задачи формальной логики, хотя и является важным с точки зрения определения обоснованности нормативного вывода. Для последующего обсуждения достаточно отметить, что к нормам некоторых по меньшей мере видов термины «истина» и «ложь» неприменимы» [96, с. 8].

Проблему обоснованности нормативного вывода в логике норм пытались решать по-разному. Наиболее распространенным был метод сведения обоснованности нормативного вывода к обоснованности вывода индикативного, которую возможно определить в терминах истины и лжи. Таким образом, если установлена связь между нормативным и индикативным предложением и последнее обосновано, то считается обоснованным и первое.

Но был и другой путь: расширение понятия логического следования. Поскольку логическое следование индикативных утверждений описывается понятиями истины и лжи, постольку его расширение требует поиска терминов, которые являлись бы некоторым обобщением этих понятий и выполняли бы для норм ту же функцию, что и «истина» и «ложь» для индикативов.

По первому пути решения поставленной проблемы пошли Й. Йоргенсон, Г. Х. фон Райт и др. Интересна позиция Райта. Он справедливо отмечал, что одно и то же нормативное предложение может выражать и содержание нормы, и факт ее существования. Например, утверждение деонтического характера – «Запрещается двигаться на красный свет светофора» – может восприниматься двояко: как формулировка нормы дорожного движения и как экзистенциальное утверждение о ней. Отсюда финский исследователь сделал вывод, что в своей прескриптивной интерпретации нормы не являются ни истинными, ни ложными, а в дескриптивной – могут иметь истинностное значение (если такие нормы на самом деле существуют) [233].

Второй путь сводился, как уже отмечалось, к поиску императивных аналогов для терминов «истина» и «ложь». Например, такими аналогами считались понятия «выполнение» и «невыполнение». При этом требование считается выполненным (или невыполненным) только в том случае, когда соответствующее ему индикативное предложение (предложение, описывающее содержание этого требования) становится истинным (или ложным).

Обычная логика исследует высказывания, общая форма которых, как известно: « S есть (не есть) P ». Модальная логика – высказы-

вания, в которых уточняется характер или модус связей между предметами и их признаками и которые являются оценками этих связей в определенном отношении. Например, «Возможно, что S есть P », «Хорошо, что S есть P » и т. д. Позднее, когда логика приняла форму математической логики и стала получать различные вне логические интерпретации (т. е. оказалась вне зависимости от учения об истине и лжи), стали возникать различные системы вывода суждений.

Если для моральных, правовых, экономических, политических и т. п. типов рассуждений применить идеи и методы формальной логики, то результатом как раз и будет логика норм, которая «позволяет распространить формальные критерии рациональности на область рассуждений об обязанностях и показать ошибочность мнений, что эти рассуждения выходят за рамки научных рассуждений и являются алогичными или иррациональными» [96, с. 41].

Логическая теория нормативных рассуждений предполагает более широкую концепцию логики, которая понималась бы не только как наука о методах получения истинных следствий из истинных посылок, поскольку уже отмечалось, что, по крайней мере, ряд норм стоит вне категории истины.

А. Андерсон сводил деонтическую логику к модальной, это проанализировано многими исследователями [см., например, 96]. Заметим, что он полагал практически бесспорным утверждение, что невыполнение человеком своего долга является в некотором смысле ошибкой и ведет к ухудшению. Относительно того, что ухудшается, мнения расходятся: в результате нарушения долга возможны страдание, ухудшение характера, сокращение множества ценностей и т. д. Главное, что эти последствия есть логическое следствие нарушения норм.

Возвращаясь к пониманию нормы как оценки с санкцией, прием как очевидное, что санкция, используемая в нормативной системе, должна быть таковой, чтобы ее можно было избежать (если это какой-то вид наказания) или способствовать ее наступлению (если это какой-то вид поощрения), меняя поведение. Санкция, являющаяся в определенном смысле мотивом поведения человека, перестает быть таковой, если не существует (или субъект не может отыскать) такого способа поведения, который позволил бы ее избежать или приблизить.

Критерий адекватности нормативного, таким образом, можно сформулировать, исходя из этого подхода, следующим образом. Поведение (мысль, состояние) является адекватным (должным, обязательным), если и только если его отсутствие с необходимостью ведет к ухудшению (наказанию), которого в принципе можно избежать.

Однако должно быть, но не обязательно, т. е. в силу нормативных оснований. Или должно быть обязательно – в силу логических или каузальных оснований. Следует отметить, что не всякое поведение связано с санкцией, а только нормированное. Именно нормированное поведение санкционировано. И, кстати, не всякое нарушение норм сопровождается наказанием. Кроме того, главная функция нормы состоит не в описании определенного поведения и его результатов, а в предписании этого поведения.

Несмотря на противоречивость «принципа Юма», не может быть и речи о его опровержении, ибо логическое следование, которое определяется в терминах истины, не применимо к суждениям со связкой «должен», которые обычно не являются ни истинными, ни ложными, а следовательно, для обоснования выводов нормативных суждений из фактических посылок необходима теория логического вывода, которая, как уже отмечалось, не использует понятия истины.

По отношению к истине, точнее к доказуемости, существуют две известные теоремы К. Геделя о неполноте, которые имеют важное философское значение. Первая теорема гласит: «В любой непротиворечивой формальной системе... найдется формально неразрешимое суждение» [176, с. 909]. Иллюстрацией к этой теореме является известная «задача о брэдобрее». Во второй теореме дается «критерий сравнения формальных систем: если в системе S можно доказать непротиворечивость системы T , то S не погружается в T » [176, с. 910]. Данные теоремы доказывают неполноту формальной системы.

В логике нормативного рассматриваются формализованные системы норм [см., например, 150]. Таким образом, возможно распространить на эти системы теоремы Геделя. Применительно к теме нашего исследования эти теоремы, во-первых, определяют невозможность оценки какой-либо нормы, исходя из нее самой или системы норм, в которую она вписана. То есть непротиворечивость нормативных систем не может быть доказана внутри самих этих систем. Требуется выход за рамки этой системы, соотнесение с другими нормами

других систем, контекстом поступка и т. д. А во-вторых, из них с очевидностью вытекает, что адекватность нормативных систем вообще не может быть проанализирована чисто логическим путем.

Эта потребность вызвала к жизни, как уже отмечалось выше, попытки создания новых логических теорий истины. Группа логиков во главе с А. Тарским предложила для непротиворечивого выражения понятия истинности использовать формальные языки современных логических исчислений. Причиной парадокса лжеца, с точки зрения А. Тарского, является семантическая замкнутость естественного языка, под которой он понимал универсальность языка в отношении истинности своих предложений, т. е. то, что истинность предложений языка может быть выражена в нем самом [313]. Поэтому единственную возможность избежать антиномии он видел в запрещении использования выражений для истинности предложений языка в самом этом языке. В соответствии с таким подходом определить истинность относительно предложений некоторого языка мы можем лишь в отличном от него метаязыке, истинность относительно предложений этого метаязыка – в отличном от него метаметаязыке и так до бесконечности. В этой «дурной бесконечности» – недостаток теории А. Тарского, которая, по сути, сводится к вопросу: можно или нельзя (а если можно, то как) вычислять истинность сложного суждения при данных значениях истинности составляющих?

Другая теория, названная теорией формальной этики, была предложена В. О. Лобовиковым. Она является принципиально новым научным направлением исследования оценок, норм, предпочтений и действий, существенно отличающимся от формальной логики деонтических и аксиологических модальностей. Это отличие заключается в рассмотрении и математическом моделировании не логической формы оценок и норм как суждений (мыслей), а этической формы оценок и норм как *поступков*.

В. О. Лобовиков сформулировал формально-этические законы нормально-правовой непротиворечивости поведения (т. е. последовательности) и исключенного третьего (среднего), т. е. «нейтральности, определенности и принципиальности субъектов в борьбе добра и зла», а также ввел «приближенные («округленные») моральные правовые оценочные модальности (существенно хорошо, существенно плохо; оценочно несущественно, т. е. практически нейтрально)» [150,

с. 8]. Последним модальностям соответствуют «неригористические истинностные модальности (существенно истинно; существенно ложно; приблизительно истинно, нейтрально, т. е. гносеологически несущественно)» [150, с. 10].

Данная система является, безусловно, более гибкой, чем традиционная оценочная и нормативная логика, и она позволяет «перейти от *ригористического* критерия формально-этической рациональности (адекватности), т. е. формально-этической полноты и формально-этической непротиворечивости, системы норм относительно существующей системы оценок к более *реалистическому* и *гуманному* (неригористическому) формально-этическому критерию, лучше соответствующему действительным морально-правовым отношениям и интуитивному смыслу понятий “обязательно”, “запрещено” и “разрешено”» [150, с. 9].

§ 6. Проблема критерия оценки нормативного

В истории философии проблема адекватности нормы не ставилась отчетливо, однако в течение многих веков философы искали критерий для оценки нормы, т. е. искали, чему она должна соответствовать. Другими словами, чему она должна быть адекватна.

Так, например, всем известно приписываемое Протагору высказывание: «Человек есть мера всех вещей». Аристотель в связи с этим заметил, что таким мерилом может выступать не любой, а только нормальный человек, как в физическом (но это к нашему вопросу касательства не имеет, так как это пример медицинской нормы, которая здесь не рассматривается), так и прежде всего в нравственном отношении. «Добропорядочный человек правильно судит в каждом отдельном случае, и в каждом отдельном случае (благом) ему представляется истинное (благо)». Поскольку от других людей его отличает в первую очередь то, «что во всех частных случаях он видит истину (*tales*)» так, будто он для них правило и мерка (*kanon kai metron*)» [7, с. 282].

Эпоха, наступившая вслед за закатом поздней Античности, характеризуется прежде всего господством религиозного сознания. И хотя в Средние века выкристаллизовался знаменитый принцип «*De gustatus non est disputandum*» («О вкусах не спорят»), нормативный субъективизм, скептицизм, релятивизм были не характерны для средневековой теоретической мысли. Ибо она усматривала объективный

и абсолютный критерий для истины, добра, красоты в Боге и породила представление о том, что Бог, как абсолютное Добро, – это «регулятивный принцип средневекового мира» [66, с. 296].

Бог понимался как абсолютный источник, абсолютный критерий. Поэтому все, что им создано – благо. Но даже в Библии это не абстрактное, безотносительное благо. Во-первых, Господу самому нравилось все им сотворенное, он оценивал, любовался: «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что ЭТО хорошо» [30, Быт. 1:21]. Во-вторых, скоро он начал быть недовольным и приступил к изменениям, улучшениям того, что сам создал: изгнанию, потопу и т. д.

То, что было благом для людей – познание добра и зла, приведшее к свободе, – для Бога обернулось не благом, а уменьшением влияния. Знание – сила, благо, но знание в определенном отношении – зло, поскольку «во многой мудрости много печали: и кто умножает познания, умножает скорбь» [30, Еккл. 1:18]. Об этом же говорит русская народная пословица «меньше знаешь – крепче спишь». Так что может быть действительно, незнание – благо. Другими словами, нельзя о нормативном говорить безотносительно контекста: социального, политического, исторического, культурного в целом. Но это не антинормативизм. Есть общечеловеческие нормы, например, «золотое правило» нравственности.

В эпоху Возрождения произошло осознание человека как высшей ценности, санкционированной Богом. Человек становится целью и средством постижения самого себя как идеала. Бог остается «над», как первопричина. Благо воспринимается не абстрактно, точнее не только абстрактно (как абсолютное, божественное благо), а и вполне конкретно, как благо для человека, по отношению к человеку. Это определенное возвращение к трактовкам периода Античности. Человек – мера всех вещей, но не отдельный человек, а человечество в целом.

М. Монтень писал: «Мы ко всему подходим с собственной меркой» [188, с. 323]. Так что же, все субъективно и зыбко? Нет. Философ отмечает наличие некоего общего критерия. С его точки зрения, наиболее адекватно (у Монтеня – прекрасно) «живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычностей» [188, с. 419].

В Новое время, когда динамика развития общества в целом и отдельной человеческой личности достигает расцвета, особо острое ощущение переломного момента рождается от прочтения афоризмов Франсуа де Ларошфуко. Он отмечал относительность границ между добродетелью и пороком, добром и злом, особенно в их крайних пределах. Мыслитель считал, что в попытках человека довести свои добродетели до крайних пределов его начинают обступать пороки, и указывал, что «пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств» [139, с. 58]. И наоборот. В русском фольклоре этому соответствует пословица «Нет худа без добра». Ф. Ларошфуко же отмечал, что иногда «прекрасные творения более привлекательны, когда они несовершенны, чем когда слишком закончены» [139, с. 140]. Действительно, восприятию нами такого шедевра, как статуя Венеры Милосской, отсутствие рук не только не мешает, а, напротив, придает ей шарм, очарование. Эту ситуацию в русском языке иллюстрирует поговорка «Очень хорошо – тоже нехорошо» (в смысле «хорошего – помаленьку»).

Обращаясь в этом контексте к исследуемой проблематике, заметим, что честность, правдивость, возведенные в абсолютные принципы, оборачиваются во многих случаях злом. Так, люди часто используют намеренный обман, ложь для торжества правого дела (цель оправдывает средства) – это так называемая «ложь во спасение». Д. Локк по этому поводу замечал: «...что же касается правого дела, то оно не нуждается в применении подобных дурных средств; если оно правое, то истина явится для него поддержкой, и оно не нуждается ни во лжи, ни в обмане» [152, с. 212]. Монтень тоже считал, что «непосредственность и правдивость своевременны и уместны в любой век, каким бы он ни был» [188, с. 9], и что «даже ради бесценного блага – возвращения свободы отчизне» нельзя нарушать «формы правосудия и нормы нравственности» [188, с. 23].

На протяжении столетий добро и благо объявлялись высшей целью и идеалом, а добродетель – подлинной нормой поведения человека как совокупности действий, направленных на достижение этой цели, на приближение к идеалу. Этому посвящен ряд работ Б. Спинозы, прежде всего его «Этика». Анализируя смысл понятия «добро», философ определяет его как «средство к тому, чтобы все более и более приближаться к предначертанному нами образцу человеческой при-

роды» или «всеобщей идее» [260, с. 524]. И поскольку Спиноза рассматривал человека как воплощение этого самого «образца человеческой природы», сутью которого является разумность, а всех людей, живущих разумно, сходными по своей природе, то он делает вывод о том, что «высшее благо человека является общим для всех не случайно», а закономерно. Мыслитель логическим путем приходит к «золотому правилу»: «Всякий, следующий добродетели, желает другим того же блага, к которому сам стремится...» [260, с. 550].

Спиноза, понимая, что к нормам неприменимо понятие истины, но не найдя более подходящего, объявляет нормы, которые ему видятся как универсальные, всеобщие, или родовые понятия, в которых зафиксирован повседневный опыт людей, источником ложных представлений о природе. Причем группу «вторичных качеств» (таких как холод и тепло, которые не являются объективными, а суть субъективные состояния наших органов чувств), не выражающих подлинную сущность вещей, он расширил, включив в нее такие качества, как красота и безобразие, порядок и беспорядок, совершенное и несовершенное, добро и зло, похвальное и постыдное, грех и заслуга и т. д. [260, с. 399–400]. Спиноза показал, что все эти понятия есть не что иное, как разные способы воображения, которые предстают для людей, считающих, что все вещи созданы Богом для них, как самые важные атрибуты вещей.

Однако философ отмечает, что «человеческие тела при многих сходствах еще в большем различаются друг от друга, и поэтому, то, что одному кажется добром – другому кажется злом, что одному кажется упорядоченным – другому в беспорядке, что одному приятным – другому неприятным», действительно, «сколько голов, столько умов», и в большинстве своем «люди судят о вещах своеобразно с устройством своего мозга и охотнее фантазируют о них, чем познают» [260, с. 400].

Интересно с точки зрения взаимопревращения добра и зла доказательство Спинозой теоремы 65 в «Этике». «Благо, препятствующее нам пользоваться большим благом, – указывает он, – на самом деле есть зло, так как название добра и зла... в приложении к вещам имеют значение, лишь поскольку мы сравниваем последние одну с другою; на том же основании меньшее зло на самом деле есть добро. Поэтому... по руководству разума мы будем стремиться... следо-

вать только большему благу и меньшему злу...» [260, с. 574]. И в качестве вывода им высказывается следующее утверждение: «По руководству разума мы будем следовать меньшему злу ради большего блага и пренебрегать меньшим благом, составляющим причину *большего зла*» [260, с. 575].

Эти высказывания Спинозы весьма красноречиво свидетельствуют о том, что он вплотную подошел к констатации, как минимум, относительности критерия истинности (адекватности) применительно к моральным нормам.

У Т. Гоббса оценка проводится по уровню добра и зла. Она представляет собой не оценку на соответствие объекту, а оценку по последствиям вещей, в качестве которых выступают достигнутые (не достигнутые) цели и идеалы. Правда, в духе своего времени, он выдвигает рационалистический критерий различения добра и зла, которое, как отмечалось, проводится по линии истинное – мнимое. Он считает, что мнимое добро (или благо) имеет место там и тогда, где и когда некие «неопытные люди» не могут «ясно представить себе последствия вещей» [60, с. 241]. Другими словами, если ясно поставлена цель и поступок ведет к ней, то налицо адекватность. Это одна из наиболее четких позитивных постановок анализируемой проблемы в истории философии.

Д. Юм отвергал критерий рациональности, отмечая, что он не применим к должному. Однако в самих субъектах поступков, действий, восприятий, с его точки зрения, «при всем разнообразии и причудах вкусов существуют определенные общие принципы одобрения и порицания». Эту «истинную норму вкуса и чувства» он выводит из здорового состояния человека, обусловленного его «человеческой природой», поскольку считает, что «главные принципы вкуса единообразно присущи человеческой природе» [304, с. 739]. И аналогично тому, как эта «истинная норма вкуса и чувства» позволяет человеку иметь представление об абсолютной красоте, в сфере нравственности тоже есть такая норма, состоящая, по мнению Д. Юма, в естественном чувстве благожелательности, которое обязывает отдельных людей оказывать уважение интересам человечества и общества [306, с. 628].

С точки зрения И. Канта, критерием ценности человеческих поступков, который можно интерпретировать как критерий абсолютной их адекватности, является долг. Долг «при оценке всей ценности на-

ших поступков всегда стоит на первом месте и составляет условие всего прочего» [112, с. 232]. Философ отмечает, что «поступок приобретает свою настоящую моральную ценность» только тогда, когда он совершается «исключительно из чувства долга» [112, с. 234], когда «поступок совершают из чувства долга, т. е. только ради закона» [112, с. 407]. Абсолютизирован долг и в известном принципе, который часто встречался на щитах средневековых рыцарей: «Делай, что должен – и будь, что будет!»

§ 7. Адекватность нормы как социокультурного феномена

Проблема адекватности в отношении такого социокультурного феномена, как норма, имеет ряд сторон.

Выше были установлены две основные формы бытия норм: абстрактные (как феномен сознания) и конкретные, относительные (нормы в действии). В отношении первых вопрос об адекватности вообще снимается, поскольку абстрактные нормы – это нормы, существующие в психике индивида как потенциальные регуляторы деятельности (или отдельных действий) человека. И хотя они несут в себе определенную информацию о возможном поведении, эта форма бытия нормы – своеобразное «опережающее отражение», поскольку нормы существуют в психике конкретного индивида *до* его деятельности.

Рассмотрение адекватности конкретных норм или норм в действии распадается на три аспекта.

Во-первых, можно вести речь об адекватности человеческого поведения соответствующим нормам. В этом случае содержанием общего понятия «адекватность» является совпадение данного поведения, отношений, деятельности в целом с принятыми для этих уровней нормами. Степень адекватности зависит от того, насколько полным является это совпадение в рамках определенной системы ценностей.

Во-вторых, поскольку норма выступает способом достижения цели, то встает вопрос об адекватности самой этой нормы. Понятие «адекватность» в этом случае означает верность представления о том, что именно данная норма (ее соблюдение, следование ей) приведет к желаемому результату, и степень адекватности зависит от того, насколько оптимально она ведет к цели.

В-третьих, уже говорилось о том, что норма сама есть цель, идеал, к достижению которого надо стремиться. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения третьего аспекта адекватности норм, а именно адекватности такой нормы-цели. Степень адекватности в этом случае зависит от того, насколько точно отражена цель деятельности (и низлежащих ее уровней) в норме, насколько это соответствует системе высших ценностей.

Эти три аспекта диалектически взаимосвязаны. А последние два являются прямым обращением к метафизической концепции истины, разработанной Л. В. Денисовой, к метафизике как критерию истинности (см. гл. 2, § 2). Нельзя не согласиться с позицией этого автора. Именно метафизика, которая сосредоточивает свое внимание на сверхчувственном мире, который «указывает человеку, как себя вести в этой жизни, к чему стремиться, на что надеяться» и способствует стабилизации человеческого поведения [78, с. 46–47].

Вместе с тем, поскольку анализируется адекватность конкретных норм, которые относятся только к деятельности, а всякая деятельность преследует определенные цели и осуществляется в определенной ситуации, встает вопрос об адекватности нормы условиям ее бытия. Одни и те же нормы могут быть адекватны одним целям и неадекватны другим. С другой стороны, одна и та же цель в разных ситуациях достижима разными средствами. Норма адекватна в одной ситуации и неадекватна в другой. В моральных нормах, например, очень остро стоит проблема соответствия цели и средств, а норма регулирует именно средства: любым ли путем можно достичь цели («все средства хороши» или надо выбирать наилучшие в смысле соответствия требованиям нравственности?).

Конечно, проблема адекватности касается не только моральных норм, правовые нормы тоже сталкиваются с ней. Например, цель защитить граждан от деятельности преступников может быть достигнута путем изоляции последних от общества в местах лишения свободы, но может быть использовано и крайнее средство – смертная казнь. В каждом конкретном случае приходится выбирать, несмотря на наличие уголовно-процессуального кодекса, где, казалось бы, предусмотрены самые различные варианты, иначе не нужны были бы судьи, присяжные, а все судопроизводство можно было бы вести с помощью компьютеров.

К сказанному добавим, что нормы обычно не существуют независимо, не являются изолированными феноменами, а входят в систему норм. Каждая норма должна не противоречить другим и быть адекватной всей системе. Таким образом, норма в отношении к системе норм может быть оценена с точки зрения ее противоречия или непротиворечия, зависимости или независимости.

Наличие противоречий в нормах ставит субъекта решения в безвыходную ситуацию. Логиков это не интересует, они все свое внимание концентрируют на логической стройности: либо А, либо не-А, третьего не дано. В случае конфликта, в который вступают противоречащие друг другу нормы, например, моральные, субъекту не приходится логическим путем выводить необходимость того или иного своего поступка. Он вынужден выбирать, оценивая имеющиеся условия. И здесь возможны три варианта: 1) субъект, как правило, выбирает ту или иную альтернативу; 2) довольно частой оказывается ситуация, когда нельзя выбрать, поскольку, что бы ни выбрал субъект в этой ситуации, все будет достаточно плохо, и всегда найдется кто-нибудь, осуждающий этот выбор; 3) субъект может пустить ситуацию на самотек, «выдерживая паузу», предоставляя распоряжаться «Его величеству Случаю».

Очень остро стоит проблема несогласованностей между правовыми и иными социальными нормами в юриспруденции. Несмотря на постоянную нормотворческую работу, до сих пор сохраняются противоречия между требованиями законодательства и превратно понимаемыми политическими и нравственными ценностями. В. В. Лапаева, считая, что социальная обусловленность права заключается в соответствии правовых норм регулируемым общественным отношениям, пишет: «Правовое регулирование может эффективно осуществляться лишь при условии, что законодатель адекватно отражает объективные (и в первую очередь материально-экономические) закономерности и потребности общественной жизни» [138, с. 24]. С такой трактовкой нельзя согласиться безоговорочно, поскольку реальная действительность представлена в правовой норме через такую промежуточную «инстанцию», как субъективный фактор. Автор это понимает и далее ведет речь об адекватности законодательства «тем эмпирически наблюдаемым общественным отношениям, в сфере которых оно функционирует и содержание которых оно опосредует» [138, с. 25].

И наконец, как было отмечено выше, нормы иерархичны. Наверху иерархии находится идеал. О норме, а также о системе норм можно говорить с точки зрения адекватности или неадекватности (несоответствия) идеалу.

Норма должна соответствовать цели или идеалу (только тогда она адекватна), а это зависит от того, в какой сфере функционирует норма. Однако, сопоставляя норму с целью или идеалом, нельзя дать ответ на вопрос, адекватна ли норма, так как движение к цели (идеалу) идет различными путями, а следовательно, регулируется разными нормами.

При этом нет линейного сопоставления между целью (идеалом) и нормой, как это делается в случае определения истинности какого-либо знания, когда устанавливается однозначное соответствие знания с явлениями предметной действительности. Эта нелинейность вытекает из факта наличия условий, при которых происходит целенаправленная деятельность людей. Норма фиксирует, что можно (нельзя), должно и т. д. делать при наличии конкретных условий для того, чтобы достигнуть цели (идеала).

Норма должна быть сопоставлена не с чем-то одним – целью или условиями, а с тем и другим одновременно. Только при наличии соответствия тому и другому она является адекватной.

Сама норма при этом в своей основе имеет знание (фиксированное или нефиксированное, осознанное или неосознаваемое), которое, в свою очередь, истинно или ложно. Это знание может быть истинно, но только относительно условий. Цель – это должное, и в отношении нее не может, как уже отмечалось, быть поставлен вопрос об истинности. Норма не является адекватной, если при данных условиях ее применение не ведет к достижению цели. Это означает, что в норме, точнее в суждении, фиксирующем эту норму, имеется заблуждение. Это заблуждение может возникать в двух случаях:

- во-первых, когда цель, поставленная субъектом, является в принципе нереализуемой ни при каких условиях. Другими словами, когда субъектом нереально оценивается *сама возможность* достижения этой цели кем бы то ни было;

- во-вторых, когда субъект обладает ложными знаниями относительно условий достижения цели. При этом условия распадаются на объективные и субъективные. И те и другие могут быть ложными.

В первом случае заблуждение заключается в представлениях о возможности *достижения* поставленной цели именно *при этих условиях*, во втором – о возможности *достижения* поставленной цели *этим субъектом*. Это означает, что какой-то другой субъект, в принципе, при определенных условиях достигнет этой цели, но данному субъекту для этого не хватает умений, знаний, здоровья, чего-то еще, а он переоценивает свои возможности и, как говорится, «бьется головой о стену».

Существует еще один аспект проблемы. Любая система норм (в том числе и непротиворечивая) направлена, так же как и отдельная норма, на идеал. Обычно идеал и система норм, особенно моральных, образуют единую систему. Возникает вопрос об адекватности этой системы вообще и идеала в частности.

Эффективность права, анализируемая в последние два десятилетия, изучается лишь с позиции соотношения фактических результатов действия нормы и тех социальных целей, для достижения которых эта норма принята. Права В. В. Лапаева, которая критически оценивает такой подход и справедливо утверждает, что его логическим развитием является «признание возможности существования правовых норм, направленных на достижение социально необоснованных и даже социально вредных целей» [138, с. 50]. Она подчеркивает, что при установлении эффективности правовых норм следует оценивать и их цели с точки зрения адекватного отражения в них (нормах) объективных социальных потребностей.

При этом необходимо учитывать, что есть цели частные, локальные, промежуточные, так сказать. Их можно и логически, и содержательно подвергнуть проверке на соответствие более общим целям и идеалам. А вот сами более общие цели и идеалы не могут быть проверены таким образом. Субъект принимает их (или отвергает антицели, антиидеалы) аксиоматически, без достаточного основания, опираясь в своем выборе на веру, авторитет, традицию и т. п. Цели, кроме того, могут быть «внешние» (являющиеся таковыми для субъекта нормотворчества), и внутренними (которые ставятся теми, на чью деятельность нормы направлены). Эти цели могут не совпадать (и часто не совпадают). Интересен в этой связи тезис В. В. Лапаевой о том, что «чем больше цели внешнего регулирующего воздействия отличаются от внутренних целей регулируемой системы, тем сильнее должны быть стимулы в виде поощрения или наказания» [138, с. 111].

Норма не является образом, принимаемым буквально как отражение действительности. Норма – это образ как зарисовка, проект будущего, перспектива поведения человека, которая напрямую может быть не связана с конкретной, сегодняшней ситуацией, в которой он находится. Это не означает разрыв во времени обозначаемого в норме будущего (должного) и настоящего (сущего). Будущее (должное) постоянно присутствует в настоящем (сущем) как необходимое условие, как то, что определяет и составляет механизм слияния первого и второго, что постоянно опосредует собой настоящее (сущее). Нормы – это основа возможного будущего.

Что и как можно сказать относительно будущих событий? Аристотель, например, писал, что «относительно того, что есть и что стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным, притом и относительно общего, взятого как общее, одно всегда истинно, а другое ложно... Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет» [9, с. 99].

Можно составить истинное или ложное высказывание о наступлении или ненаступлении необходимо происходящих будущих событий. Скажем, утверждение типа «Завтрашний день начнется с восхода солнца» истинно, так как это событие произойдет необходимо в силу физических законов. Однако, например, Августин сомневался в положительном ответе на этот вопрос: «Например, если бы нас кто-нибудь спросил, взойдет ли после вчерашней светлой и безоблачной ночи ясное солнце, я думаю, что мы ответили бы, что не знаем, но кажется-де так» [1, с. 592–593]. А относительно событий, в которых принимает участие субъективный или другой сопряженный со случайностью фактор, необходимо истинным является суждение, что они либо состоятся, либо не состоятся, поскольку «будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность и что вообще у того, что деятельно не постоянно, возможность быть и не быть одинакова» [1, с. 101].

Применяя гносеологические подходы к норме, зафиксируем еще одно утверждение. Вся сложность в решении поставленной проблемы критерия адекватности норм состоит в том, что часто имеет место путаница между абстрактными и конкретными нормами. Как уже отмечалось, для норм в их идеальном бытии вопрос об адекватности поставить нельзя. Нормы в действии являются всегда конкретными

нормами, а потому относительными, и вопрос об их адекватности встает очень остро.

Норма «Избегай насилия, ибо оно есть зло» абстрактна. Если понимать насилие как физическое воздействие на тело человека, осуществляемое другим человеком без согласия первого, то можно привести массу примеров того, как понимаемое таким образом насилие осуществляется, но не является при этом злом. Вернее, является гораздо меньшим злом, а значит добром.

И. А. Ильин писал: «Прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника; кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы; кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера; кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя; кто выгонит из храма кошунствующих бесстыдников; кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку; кто свяжет невенчанного и укротит одержимого злодея» [106, с. 34]. И, спрашивая, а будет ли это проявлением зла, отвечал, что «нет – осуждение, возмущение, гнев и подлинную волю к недопущению объективации зла» проявит такой человек [106, с. 34].

Абсолютные или категорические нормы предписывают, запрещают или разрешают выполнить (не выполнить) некие действия, безусловно, т. е. при любых обстоятельствах. Такая норма является целью сама по себе (как идеал, высшая ценность и т. д.). Критерием ее адекватности выступает она сама, ибо средство может быть адекватно поставленной цели (в смысле достижения ее с помощью него) или неадекватно ей при условии недостижения.

Норма, выступающая как средство для достижения определенной цели, – это норма в действии, или конкретная, относительная норма. Относительные или гипотетические нормы формулируют не только требование выполнить действие, но и содержат указание обстоятельств, в рамках которых необходима его реализация.

Как было уже неоднократно показано, абсолютность норм умозрительна и недостижима, хотя такие нормы всегда «имеются в виду». Критикуя философские рассуждения Е. Дюринга о существовании «вечных истин» в области морали, Ф. Энгельс рассматривал две довольно сложные проблемы: во-первых, проблему самой возможности существования вечных моральных норм и, во-вторых, проблему критерия их подлинности, истинности. Дюринг утверждал, что «отдель-

ные истины, из которых в ходе развития складывается более полное моральное сознание и, так сказать, совесть, могут, поскольку они познаны до своих последних оснований, претендовать на такую же значимость и такую же сферу действия, как истины и приложения математики» [298, с. 88]. Споря с ним, Ф. Энгельс писал, что лишь в математике, астрономии, физике, механике и химии «некоторые результаты этих наук представляют собой вечные истины, окончательные истины в последней инстанции, почему эти науки и были названы *точными*» [298, с. 88].

В живой природе, считал Ф. Энгельс, хотя и имеет место некий последовательный ряд повторяющихся в широких пределах правильных процессов, но все же существует такое многообразие взаимоотношений и причинных связей, что систематизация изучаемых связей «постоянно вынуждает нас к тому, чтобы окружать окончательные истины в последней инстанции густым лесом гипотез» [298, с. 89].

В истории же человечества «повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах» [298, с. 90]. Здесь можно сформулировать лишь некие истинные утверждения нормативного плана, которые являются таковыми в силу очевидности, например, о том, что людям, в общем, необходимо трудиться, чтобы жить.

Что касается критерия истинности в отношении нормативных утверждений, то, по мнению Ф. Энгельса, «нельзя прилагать мерку подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к таким знаниям, которые по самой природе вещей... должны оставаться относительными для длинного ряда поколений и могут лишь постепенно достигать частичного завершения» [298, с. 92], поскольку представления о добре и зле довольно сильно менялись у разных народов от поколения к поколению вплоть до наоборот, вступая порой в прямое противоречие одно с другим.

Однако, справедливости ради, отметим, что Ф. Энгельс не отрицал существование многих общих требований (норм), которые выдвигаются на различных этапах развития человеческого общества. Он указывает, что такие различные моральные системы, как христианско-феодальная, современно-буржуазная и пролетарская, «имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть

много общего» [298, с. 95]. Что касается критерия подлинной нравственности, то для основоположников марксизма им является гуманизм, который достигнет своей наивысшей точки развития при коммунизме, понимаемом как бесклассовое общество, в полной мере учитывающее интересы конкретной личности.

Итак, действительные (действующие) нормы всегда конкретны и относительны. Соответственно сложно говорить о возможности установления абсолютной адекватности. Приведем пример. Переправляясь через реку с сильным течением, необходимо иметь целью место на другом берегу выше по течению, ибо в момент переправы лодку снесет. Так же и требования (здесь норма выступает идеальным устремлением, целью) в области нравственности всегда должны быть завышенными, поскольку реальная жизнь все равно скорректирует результат и часто в сторону занижения. Таким образом, даже будучи установленной, адекватность нормы тоже всегда относительна.

Так в чем же по максимуму состоит критерий адекватности нормы? Что это такое? По максимуму – это то, что позволяет причислить данную норму к ценностям, считать саму ее ценностью в высшем смысле слова.

Казалось бы, в такой постановке это оказывается сугубо аксиологической проблемой, однако в аксиологии проблема нормы специально (отдельно) практически не поднималась. Понятие нормы, конечно, использовалось, но как вспомогательное, нужное для разработки центральных категорий «ценность» и «оценка».

§ 8. Норма как критерий оценки

Славацкий философ В. Брожик определяет оценку как «результат сопоставления ценностной предметности и оценочной нормы». Норма предстает как пример одной из «уже установившихся ценностных точек зрения», в соответствии с которыми человек выбирает «ценностный эквивалент». Отмечается, что «посредством ценностной нормы как всеобщего эквивалента ценностная предметность действия или вещи ставится в отношение ко всем ценностям данного рода» [37, с. 88].

Эта точка зрения отнюдь не нова. Еще И. Кант ввел *идею нормы*, правда, как эстетико-аксиологическое понятие. Он писал, что «эстетическая *идея нормы* (Normalidee)» выступает как «мерило суж-

дения о человеке как предмете, принадлежащем к особому виду животных». В качестве такового «всеобщего мерила эстетической оценки» адекватности отдельной особи и вида, с точки зрения философа, следует рассматривать «величайшую целесообразность в конструировании фигуры» [113, с. 237]. О норме как критерии оценки писал и В. Соловьев, который полагал, что подлинным критерием оценки выступает «божественная идея» как «безусловная норма», которая есть в сознании субъекта, «которою он оценивает все свои деятельности» [258, с. 712]. Итак, норма выступает мерилom, инструментом процесса оценки.

Использование той или иной нормы в процессе оценки подчеркивает определенные стороны оцениваемого явления. Ценностная предметность какого-либо события в правовом отношении может быть иной, нежели в случае оценки его с этической или эстетической точек зрения. При этом, конечно, не происходит членение ценностной предметности этого события в действительности. Она неделима и не зависит от наших норм, однако проявляется как ценность лишь в ходе сопоставления с ними.

Объективная ценностная предметность обретает субъективную ценностную форму, которая зависит от характера выбранной для оценки нормы и предстает или как этическая, или как эстетическая, или как иная ценность.

Однако посредством норм осуществляется только один вид оценки, а, например, В. Брожик выделяет три вида оценок. Их различие состоит в том, что именно выступает эквивалентом, инструментом оценки: другая соизмеримая ценностная предметность, норма или оценивающий символ [37, с. 85]. Нами рассматривается соответственно только второй случай.

Выбранная норма определяет не только форму (этическая, эстетическая, политическая, религиозная, правовая и др.), но и полярность оценки (положительной или отрицательной является данная ценность для человека).

Что из себя представляет сам процесс оценки? С точки зрения рассматриваемого подхода «оценочные суждения суть результат совершенно особого сравнения действительности с представлением о ее оптимальной форме, обусловленной уровнем насыщения вытекающих из этой реальности потребностей» [37, с. 119]. Отсюда вытекает

возможность осуществления верификации ценностного суждения как минимум в трех аспектах.

Позитивное оценочное суждение есть суждение о ценностной предметности объектов, человеческая потребность в которых *еще не* удовлетворена с точки зрения жизненного оптимума, а *негативное* – о противоречащих этому оптимуму ценностных предметностях. А ведь есть еще такие, которые автоматически удовлетворяют нас. Они, эти ценностные предметности, являются повседневным реальным стандартом, и мы не нуждаемся в процессе их оценивания (*нулевая* ценность). Лишь когда принимается во внимание не только сущее, но и должное, тогда мы имеем дело с оцениванием. В ходе процесса оценивания происходит столкновение глобальных целей субъекта, побуждающих к действию и зафиксированных в нормах, с реальной действительностью нашей жизни.

Означает ли это, что эти более общие цели и идеалы вообще не могу подвергаться анализу на адекватность, а если все-таки могут, то имеются ли у социальных общностей и человечества в целом средства, чтобы оценивать эти нормы и идеалы.

Неопозитивизм, разрабатывая теорию значения, сделал заключение о возможности признания высказываний познавательной осмысленными только в случае их верифицируемости, и только в этом случае высказывания являются истинными или ложными. Как уже отмечалось, к нормам это практически неприменимо. Однако, возможно, в нужном нам направлении может быть использован сам метод верификации.

§ 9. Адекватность нормы как ценностного эквивалента: верификация или фальсификация?

В чем может состоять суть проблемы верификации применительно к норме как ценностному эквиваленту? Очевидно, во-первых, следует выяснить, можно ли вообще соизмерить использованную в процессе оценки норму с оцениваемой предметностью? И, во-вторых, выражает ли она собственно потребности оценивающего субъекта и, кстати, насколько требования, зафиксированные в норме, реальны и эффективны?

Безусловно, соизмеримость в указанном выше смысле крайне важна. Нельзя поступок преступника оценивать, ориентируясь, на-

пример, на такой оценочный эквивалент, как эстетические нормы. А вот может ли норма, используемая как оценочный эквивалент, адекватно выразить ситуацию объекта оценки и можно ли верифицировать эту адекватность?

В связи с этим заметим, что верификация адекватности нормы как ценностного эквивалента поступка субъекта не может осуществляться с точки зрения самого субъекта, конкретной ситуации, в которой он находится, а также того времени, в течение которого происходит данное событие (в соответствии с теорией о неполноте К. Геделя). Даже неадекватные нормы, будучи достаточно интериоризированы субъектом, не поддаются верификации, поскольку, приводя его поведение в соответствие себе, они как бы тем самым подтверждаются. Так, события октября 1917 г. и последующих лет в России были из ряда «так должно быть» для определенного круга людей. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, они не получили однозначной оценки. В этой связи отметим также следующий факт.

Социально-психологические исследования показывают, что, например, попытки перевоспитать малолетних правонарушителей наталкиваются на определенные сложности. Нельзя сказать, что подростки «не хотят» исправиться, что они «не понимают», что надо жить честно, поскольку эти дети часто просто не могут этого сделать, обладая достаточно инертной системой норм, которая определяет анти-социальное отношение к миру.

Поскольку ценности личности – это, по-видимому, в достаточной степени осознанные и принятые данной личностью общие смысловые образования, в том числе нормы, то преступник не отрицает мораль как таковую, он делает это своим поведением, которое основано на другой, противоположной моральной позиции. У каждой социальной группы, в том числе и преступной, имеется своя мораль, своя достаточно четко очерченная и порой жесткая система ценностей, в рамках которой субъект действует адекватно и правильно. Так, например, врачебная норма «Не навреди!» – это не правило, а определенный общий принцип, который координирует мотивы, цели и средства деятельности медика и так или иначе проявляется в каждой новой конкретной ситуации. Она может проявляться в виде оценки и отбора способов достижения цели (например, здоровья больного человека). Кроме того, она может менять или смещать цели. Например, хотя бы улучшение

или поддержание на достигнутом уровне состояния больного, если невозможно полное выздоровление. И наконец, прекращение самой деятельности, если это способствует облегчению его мук, когда выздоровление невозможно и предreshен летальный исход. В связи с этим отдельной интересной нравственной проблемой является возможность (допустимость) эвтаназии, которая широко дискутируется на Западе.

Другой пример. Некто А, руководствующийся нормой «Будь правдив!», рассказывает В некую нелицеприятную ситуацию из жизни С. Этот рассказ соответствует действительности. Поведение А можно назвать адекватным, но в данном случае он нарушил другую норму «Нельзя говорить о ком-то за глаза плохо». Значит, в одной и той же ситуации с точки зрения разных норм его поведение и адекватно, и неадекватно одновременно. Однако, если А, беседуя с В, говорит за глаза о С хорошее, соответствующее действительности, означает ли это полную адекватность его поведения? Представим, что В использует информацию во вред С или С просто не хочет, чтобы о нем даже хорошо говорили с В? Очевидно, следует руководствоваться более общей по уровню нормой «Не навреди!».

Таким образом, метод верификации, на наш взгляд, не может быть применен к нормам.

Очевидно, что проблема критерия адекватности, обоснованности норм касается прежде всего норм в оговоренном нами смысле, а к ним относятся моральные, правовые, политические, религиозные и некоторые другие нормы. В отношении таких норм, как, например, эстетические, видимо, данная проблема вообще не стоит. Там, где речь идет о художественном и другом творчестве, где предполагается свобода мысли (а норма – это всегда ограничение), нормирование, конечно, есть, но оно не играет большой роли.

Существовали, правда, и противоположные точки зрения. Например, Дж. Беркли как апологет христианства отвергал субъективизм в понимании человеческой ценности, выступал за жесткое следование нормам даже в области художественного творчества. Он считал, что в архитектуре и других сферах деятельности будут иметь место «безрассудные результаты», «если люди вместо того, чтобы повиноваться правилам, образцам и моделям, будут следовать своему собственному вкусу и пониманию прекрасного» [28, с. 459]. Но, как говорят, исключения лишь подтверждают правило.

В рамках определенного стиля, направления искусства имеются определенные нормы. Художник, следуя этим нормам, создает произведение. Если он им следует, то можно сказать, что они адекватны этому направлению. А если он им не следует? Например, искусство авангарда (в живописи, музыке и т. п.) нарушает имеющиеся нормы, создавая другие. Авангардист всегда занимается нормотворческой деятельностью. Ведь действуя определенным образом (непохожим на привычный), он тоже ставит перед собой определенную цель. И эта цель, как правило, такая же, как и у классических (устоявшихся, общепризнанных и т. п.) направлений, – создать произведение, которое будет воспринято другими людьми. Когда художники (музыканты, кинорежиссеры и пр.) говорят, что главное для них – выразить себя – это правда, но не вся правда. Любой творец заинтересован, чтобы его детище приняли. И если рождается нечто, что воспринимается другими людьми, неважно, сейчас или через сто, триста, тысячу лет, то норма адекватна. Для гениальных произведений чаще всего фактор времени является определяющим в плане их признания.

А. Ф. Лосев, рассматривая музыку с точки зрения нормативного, писал, что «музыкальная истина равна музыкальному бытию, и музыкальное бытие равно музыкальной норме. Истина = бытие = норма» [155, с. 246]. Он отмечал, что логические нормы и музыкальные отличаются. Первые обладают «идеальной неподвижностью», а «норма в музыке есть непрестанно становящаяся». Философ считал, что «будучи сама по себе нормой, музыкальная жизнь есть становящаяся норма, норма в непрекращающемся становлении и развитии». Отсюда он делает вывод, что «музыкальное суждение способно обосновать само себя» [155, с. 254].

Вот это тождество бытия и нормы, само это бытие, являющееся нормой для самого себя, с точки зрения А. Ф. Лосева, есть ценность, которая предполагает оценочное отношение. В качестве примера философ рассматривает эстетический предмет как ценность и отмечает: «Это не есть просто плоское бытие, указывающее, что тут как-то выполнена известная норма. Эстетический предмет есть такое бытие, которое по некоторым нормам осуществляется, но которое само по себе и есть *норма для самого себя*» [156, с. 277–278]. Музыкант *сам* создает нормы, и поэтому музыка обосновывает сама себя.

Правда, возможно создание произведений, воспринимаемых только отдельными группами людей (элитарное кино, музыка, живо-

пись, литература). При этом создаются нормы элитарного искусства, которые адекватны цели – восприятию продуктов творчества интеллектуальной элитой.

Вместе с тем в принципе возможно создание таких произведений, которые никогда, никем не будут восприняты. Тогда при их появлении тоже возникают нормы, но их вряд ли можно считать адекватными. Это нормы «для себя». Человек себя выразил. Ему нравится это делать (а мало ли кому что нравится делать?). Подчеркнем, что «в принципе возможно», поскольку и тут нельзя с уверенностью сказать об абсолютной неадекватности глобальной цели, опять же в силу отмеченного выше фактора времени.

После анализа, показывающего невозможность или, по крайней мере, затрудненность применения процедуры верификации по отношению к нормам с целью проверки их на адекватность, обратимся к противоположной в определенной мере процедуре, а именно процедуре фальсификации. Смысл ее заключается в установлении ложности научной «гипотезы или теории в результате экспериментальной или теоретической проверки» [277, с. 713].

Метод фальсификации применительно к изучаемой проблеме означает не что иное, как изживание нормы, которая не оправдывает себя в ходе исторического развития. Безусловно, это происходит не так прямолинейно, как в науке, когда отбрасывается ложная гипотеза, теория и т. д.

Известен парадокс: «Все познается в сравнении с другим». Чтобы лучше узнать свой язык, надо изучить иностранный, чтобы оценить своеобразие одного места, надо побывать в разных. Можно ли применить данный подход к норме? Апостол Павел учил: «Все испытывайте, хорошего держитесь» [30, 1 Фес. 5:21]. Адекватность нормы может быть усмотрена (оценена) в момент ее нарушения, после ее нарушения. Иначе чем объяснить стыд, последующее раскаяние? Человек знает, что убивать нельзя, но при определенных условиях считает, что в состоянии нарушить эту норму (из корысти, ревности, в борьбе за власть, на войне и т. д.). Нарушает, убивая, затем приходит осознание тяжести содеянного, раскаяние, муки совести, невозможность спокойно жить дальше, вообще невозможность жить дальше как крайность. Пример: для Бориса Годунова смерть ребенка была условием власти, но не спокойствия. Еще пример: в наши дни, участвуя

в военных операциях, молодые люди получают психические травмы, такие, что требуется длительная последующая реабилитация (вьетнамский синдром в США, у нас – афганский, чеченский синдромы).

В ходе исторического развития человеческие общности вырабатывали разные цели, идеалы, нормы. Социальные общности обычно исходили и до сих пор исходят в первую очередь из того, что тот или иной социум и люди, составляющие его, и есть высшая ценность. По мнению Канта, «только человек ... есть *цель сама по себе*», поскольку «он субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы» [112, с. 414]. Именно человек судит о соответствии, адекватности, согласии своих (и чужих) поступков «с существенными и всеобщими целями», поскольку только он сам «может быть идеалом *совершенства*» [113, с. 237].

Уместно привести знаменитый кантовский афоризм: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением ... – это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» [112, с. 499]. Очевидно, единственным критерием адекватности нормы как средства достижения поставленной цели является Совесть, Бог, моральный закон внутри человека, т. е. *он сам как личность*, как *цель сама по себе*.

Наиболее элементарная цель с этой точки зрения заключалась в сохранении, расширении, процветании самой общности, а значит, и человека, в нее входящего. С точки зрения Т. Гоббса, в основе истинного блага не лежит ничего надчеловеческого, ибо «величайшим из всех благ является самосохранение» [60, с. 241]. И у Б. Спинозы «для человека нет ничего полезнее человека». Он считал, что люди «не могут желать для сохранения своего существования (а это желание, по мнению Спинозы, лежит в основе добродетели. – *Е. П.*) ничего лучшего, как того, чтобы все ... во всем согласовывались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общепользнего для всех» [260, с. 538]. Эти требования вписывались в моральные, религиозные и другие системы норм.

В начале прошлого века – века перемен и пересмотра ценностных установок – Ф. Ницше писал, что человек, если он только человек – меньше, чем человек. Для обозначения таких людей он исполь-

зовал понятие «последних людей», которые утверждают, что они «нашли счастье и знать уже не знают, что такое любовь, творение, устремление, что такое звезда, а только моргают и, прыгая по маленькой земле, делают все маленьким» [201, с. 11]. А Хосе Ортега-и-Гассет выражая ту же мысль, заметил: «С одной стороны, человек живет собою и для себя. С другой стороны, если он не направит свою жизнь на служение какому-то общему делу, то она будет скомкана, потеряет свою цельность...» [209, с. 133].

Существует взгляд, что в связи с этой целью возникают и функционируют абсолютные моральные нормы (ценности). Однако исторический опыт со временем показывал, что как раз для сохранения сообщества не все нормы, изначально применявшиеся с этой целью, и не всегда себя оправдывали.

На ранних ступенях развития человечества норма «Не убий!» не может рассматриваться как норма, обеспечивающая выживание человеческого рода. Например, если роду в силу каких-то причин необходимо было срочно сняться с места (особенно это было характерно для кочевников), то старики, больные, малые дети при этом становились обузой, и их оставляли, а сами уходили, что, в общем, равносильно убийству. То же самое происходило в условиях недостатка пищи. В Священных книгах христианства и ислама зафиксированы заповеди, возникшие как раз в противовес этим традициям. Так, Коран учит: «...Не убивайте ваших детей от бедности – Мы прокормим их и вас» [125, 6:152, с. 132].

Мировые религии, в частности христианство, представляют собой, кроме всего прочего, попытку преодолеть конфликтность противоречащих друг другу норм, ссылаясь на провидение и волю Всевышнего.

К норме «Не убий!» человечество пришло постепенно. Первоначально эта норма относилась только к «своим» и не распространялась на «чужих», которых не только можно, но и нужно было убивать, грабить, завоевывать и т. д. Но победа не всегда сопровождалась одной из противоборствующих сторон, и постепенно люди осознавали ситуации поражения в ходе военных действий как ведущие к обратной цели: уничтожению, ослаблению, порабощению собственного сообщества. Таким образом, в ходе исторической практики возникают две конкурирующие системы норм, при этом сфера действия системы

норм во главе с максимой «Не убий!» расширялась (с общины, племени, рода на единоверцев и т. д.), а сфера действия системы норм во главе с требованием «Убий!» сужалась.

Правда, это тоже не столь прямолинейный процесс, поскольку даже при наличии уже нормы «Не убий!», касающейся единоверцев, наряду с ней существовала и существует до сих пор система норм, основанная на кровной мести. Закон кровной мести является нормой. Однако применяемый широко, он начинает входить в противоречие с глобальной целью – сохранением сообщества (семьи, клана), поскольку является примером системы с автоматической положительной обратной связью, когда на одну смерть отвечают двумя, на две – четырьмя и т. д. При этом теряется глобальная цель, система «разбалтывается», становится нерегулируемой, перестает подчиняться каким бы то ни было нормам, кроме одной – «Убей представителя враждующей группы!», а значит, перестает быть адекватной, и вынуждает, в конце концов, отказаться от нее.

Что касается положения в современное время, то и сейчас по большому счету норма «Не убий!» не является абсолютной (даже если не рассматривать такой социальный феномен, как война, когда имеет место убийство врага в ходе военных действий и т. д.). Кто может гарантировать, что современная ядерная ситуация, испытания и т. п. не приведут к состоянию, когда человечество не сможет выполнить эту норму (в целом) во имя той же цели – сохранения себя как целостности. События 11 сентября 2001 г., по сути, привели к началу «четвертой мировой войны» («третьей мировой» ряд исследователей считают время «холодной» войны до 1985 г., в результате которой распался СССР), когда американо-европейское сообщество осознало, что нет равновесия, нет безопасности.

К. Поппер на основании результатов, полученных К. Геделем, вывел свою идею приближения к истине, суть которой изложена в следующем тезисе: «Некоторое высказывание ближе к истине, чем другое высказывание, если оно полнее соответствует фактам, чем второе высказывание» [224, с. 450]. Эта теория мало что может дать, если целью познания считается достижение истинного знания о действительности, поскольку сама идея приближения к истине отражает лишь тот факт, что ложное высказывание может содержать в себе какую-то (иногда даже значительную) долю истины. При этом осталь-

ная доля – это отклонение от истины. Будучи применимо к нашему случаю, это означает ступенчатый процесс приближения к идеалам как абсолютным нормам, во многом похожий на движение познания к абсолютной истине через ряд относительных и отличающийся от него методом обоснования (фальсификацией).

По-видимому, именно исторический опыт, историческая практика людей дает возможность оценивать нормы на адекватность. Только практический опыт показывает плодотворность или бесплодность применения тех или иных норм для осуществления тех или иных целей. Посредством метода фальсификации трансформируются старые нормы, а также формируются новые, которые будут поддерживать или вытеснять существующие. И здесь просматривается определенная проблема. Несмотря на то, что в ходе исторического развития намечается сближение норм и в целом из-за череды относительных, конкретных норм наблюдается движение к абсолютным – общечеловеческим нормам, многие нормы (в силу особенностей культурного развития разных народов) не могут быть сведены к какой-то более общей. А это означает, что существует необходимость признания равноправия норм, имеющих место в разных культурах, проблема нормотерпимости.

Таким образом, мы полагаем, что адекватность нормы определяется не через сопоставление с сущим, а в ее соотношении с высшими ценностями, целью (или идеалом) и условиями, в которых применяется норма. Исследованы критерии и уровни адекватности норм, условия ее формирования. Зафиксировано, что формирование адекватности нормы в процессе исторического развития происходит посредством процедуры фальсификации.

Заключение

В ходе анализа онтологической и гносеологической специфики нормы осуществлено следующее.

Из совокупности знаний, которые называют в обыденной жизни нормами, вычленен категориально определенный класс норм – регуляторов поведения людей и человеческой деятельности в целом; отмечен ряд черт этих норм, не зависящих от конкретной сферы деятельности, которую они призваны регулировать.

В результате рассмотрения феномена инстинкта в связи с вопросом о месте нормы в деятельности человека показано, что норма, хотя и стандартизирует действия, и в этом смысле близка к инстинкту, существенно отличается от него. Это различие заключается, во-первых, в том, что норма предусматривает выбор (инстинкт как регулятор однозначен), во-вторых, норма предполагает широкое варьирование (инстинкт прямолинеен).

Исследование соотношения творчества и нормативности в процессе деятельности позволило выяснить, что противоположность творчества и нормативности не исключает их связи, поскольку творчество подразумевает определенные нормы, подчиняется им. Важнейшей чертой нормы является то, что она определяет степень свободы (разрешающая, запрещающая и т. д.), тем самым обеспечивая относительную безопасность творчества.

Предложенная типология норм методологически опирается на деятельностный подход к сущности человека. Она образует сложную структуру и позволяет различать нормы по многим основаниям: субъекту, обоснованности, характеру воздействия на деятельность, способу вхождения в человеческую деятельность, уровню обобщенности, степени встраивания в человеческую практику и сознания, степени осознанности.

Основными формами бытия нормы являются норма в ее идеальном бытии, существующая в психике индивида как потенциальный регулятор его деятельности, и норма в действии, которая бытует в самом поведении, отношениях или деятельности человека и выполняет регулирующую функцию.

Нормы существенно различаются между собой по уровню осознанности (неосознаваемые, частично или полностью осознаваемые

нормы), что связано с их генезисом, функционированием и способом воспроизводства в сообществе. Стихийно возникающие в процессе исторического развития человека как интуитивное обобщение практической деятельности нормы являются неосознаваемыми; они непосредственно усваиваются в процессе деятельности, передаются в общении с другими поколениями. Усвоение нормы на уровне словесного предписания позволяет охарактеризовать ее как частично или полностью осознаваемую: осознаются несколько или все компоненты ее структуры – от характера до санкции. Рассмотренная форма бытия нормы тесно связана с бытием нормы как схемы реально осуществляемых действий. В процессе деятельности под влиянием ряда факторов потенциальные (абстрактные) нормы трансформируются, становятся актуально действующими (конкретными) нормами.

Рассмотрение понятий «истинность», «правильность», «праведность» и «адекватность» и анализ содержания данных категорий позволили их развести между собой. В качестве отправной точки использована как наиболее плодотворная классическая концепция истины. В ней содержится методологическое начало, которое может быть применено и при оценке норм: знание сопоставляется с чем-то, что знанием не является. Оценка нормы тоже требует ее сопоставления с чем-то, отличным от нее. Нами сделан вывод о неприменимости гносеологической категории истинности непосредственно ни к нормам, ни к целям, ни к идеалам.

Разработанная концепция адекватности нормы исходит из того, что адекватность, как более широкая категория, применима к норме как идеальному образованию и к поступку. Поскольку норма в качестве идеального образования представляет собой суждение о должном, она не может быть сопоставлена с чем-либо сущим. Невозможно также оценить норму на адекватность исходя из самой нормы или системы норм, в которую она вписана. Норма должна быть сопоставлена с конкретными обстоятельствами деятельности, ее целью, а также с нормами других систем. Таким образом, адекватность нормы определяется не через сопоставление с сущим, а в ее соотношении с высшими ценностями, целью (или идеалом) и условиями, в которых применяется норма.

Норма тогда адекватна, когда следование ей в деятельности способствует при данных обстоятельствах (условиях) достижению данно-

го идеала (цели). Поступок, который следует (соответствует) норме, – это адекватный поступок при условии адекватности самой нормы.

Изучение гносеологических аспектов нормы привело к обнаружению содержательной и глубокой аналогии между движением познания к абсолютной истине через ряд относительных истин и движением к абсолютным ценностям, идеалам и нормам через относительные ценности и относительно адекватные нормы.

Применение характерного для гносеологии метода верификации с целью проверки норм на адекватность позволило сделать вывод о невозможности (или, по крайней мере, затрудненности) его использования. Более приемлем противоположный метод – процедура фальсификации.

В локальных сферах деятельности, когда человек добивается достижения конкретных целей, нормы на основе обретенного опыта становятся все более адекватными. Хотя абсолютность здесь может быть достигнута тоже лишь в бесконечности, поскольку практически неограничено количество вариаций обстоятельств применения норм. В то время как в широких сферах деятельности, которые в большей степени задаются идеалами, проблема адекватности намного сложнее. Здесь оценке подлежит не отдельная норма, а совокупность норм. Система норм, во-первых, должна быть непротиворечивой, а во-вторых, обеспечивать движение к идеалу. В ходе исторического развития человечество по существу подвергает нормы и системы норм фальсификации и преобразованию с целью выработки все более адекватных норм. Таким образом, развитие оценочной сферы, с одной стороны, включает преемственность, а с другой – не является чисто коммулятивным процессом.

Интересным является вопрос об адекватности самого идеала. Если идеал нереализуем, то никакая система норм не может обеспечить его достижение и, следовательно, быть адекватной. Адекватность идеалов тоже проверяется в ходе исторического развития, хотя ни одно поколение не может дать окончательную оценку идеалу, тем более позитивную.

Однако вопрос об оценке идеалов в исследовании лишь поставлен. В соответствии с этим проблема адекватности общечеловеческих ценностей была лишь обозначена и требует дальнейшего изучения и анализа.

Библиографический список

1. *Августин*. Против академиков [Текст] / Августин // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 2. 576 с.
2. *Агацци Э.* Ответственность – подлинное основание для управления свободной наукой [Текст] / Э. Агацци // *Вопр. философии*. 1992. № 1. С. 30–40.
3. *Агацци Э.* Человек как предмет философии [Текст] / Э. Агацци // *Вопр. философии*. 1989. № 2. С. 24–34.
4. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения [Текст] / С. С. Алексеев. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
5. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования [Текст] / С. С. Алексеев. М.: Статут, 1999. 712 с.
6. *Алексеев С. С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность [Текст] / С. С. Алексеев. М.: НОРМА, 2001. 176 с.
7. *Аристотель*. Метафизика [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
8. *Аристотель*. Никомахова этика [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
9. *Аристотель*. Об истолковании [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
10. *Арлычев А. Н.* Саморегуляция, деятельность, сознание [Текст] / А. Н. Арлычев. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. 148 с.
11. *Артюхович Ю. В.* Нормативно-ценностная модель личности: специфика формирования в современных условиях [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. В. Артюхович. Ставрополь, 1999. 22 с.
12. *Архангельский Л. М.* Наука и нормы: альтернатива или единство [Текст] / Л. М. Архангельский // *Вопр. философии*. 1979. № 3. С. 119–127.
13. *Архангельский Л. М.* Природа норм и диалектика их развития [Текст] / Л. М. Архангельский // *Вопр. философии*. 1978. № 3. С. 71–83.
14. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество [Текст] / В. Г. Афанасьев. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
15. *Афанасьев В. Г.* Социальная информация [Текст] / В. Г. Афанасьев. М.: Наука, 1994. 199 с.

16. *Бабаев В. К.* Норма права как истинное суждение [Текст] / В. К. Бабаев // Правоведение. 1976. № 2. С. 28–35.
17. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения [Текст] / А. К. Байбурун // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. 325 с.
18. *Бахитановский В. И.* Диалектика цели и средств в моральном выборе [Текст] / В. И. Бахитановский // Филос. науки. 1977. № 1. С. 103–115.
19. *Бахитановский В. И.* Моральный выбор личности: альтернативы и решения [Текст] / В. И. Бахитановский. М.: Политиздат, 1983. 224 с.
20. *Бахитановский В. И.* Моральный выбор личности: критерий целесообразности [Текст] / В. И. Бахитановский // Вопр. философии. 1981. № 8. С. 85–97.
21. *Бакурадзе О. М.* Истина и ценность [Текст] / О. М. Бакурадзе // Вопр. философии. 1966. № 7. С. 45–48.
22. *Барулин В. С.* Социально-философская антропология [Текст] / В. С. Барулин. М.: Онега, 1994. 256 с.
23. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 445 с.
24. *Бахтияров К. И.* Об истинности высказываний в неклассических ситуациях [Текст] / К. И. Бахтияров // Вопр. философии. 1970. № 10. С. 60–66.
25. *Бекарев А. М.* Свобода человека в социальном пространстве [Текст]: дис. ... д-ра филос. наук / А. М. Бекарев. Екатеринбург, 1993. 218 с.
26. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека [Текст] / Н. А. Бердяев. Харьков; М.: ФОЛИО: АСТ, 2002. 681 с.
27. *Бердяев Н. А.* Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. М.: Филос. о-во СССР, 1990. 240 с. (Репр. воспроизведение 1918 г.).
28. *Беркли Дж.* Алсифрон, или Мелкий философ [Текст] / Дж. Беркли // Соч. М.: Мысль, 1978. 556 с.
29. *Библер В. С.* Нравственность, культура, современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) [Текст] / В. С. Библер. М.: Знание, 1990. 70 с.
30. *Библия:* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Текст]. М.: Рос. библ. о-во, 2002. 1296 с.

31. *Блхова М.* Категория моральной нормы в марксистской этике [Текст] / М. Блхова // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1979. № 5. С. 63–75.
32. *Бобнева М. И.* Нормативность как специфика социального [Текст] / М. И. Бобнева // Соотношение биологического и социального в человеке. М.: Наука, 1975. 290 с.
33. *Бобнева М. И.* Особенности нормативной регуляции поведения человека в организации [Текст] / М. И. Бобнева // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. 335 с.
34. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения [Текст] / М. И. Бобнева. М.: Наука, 1978. 311 с.
35. *Борzych В. В.* О свободе морального выбора [Текст] / В. В. Борzych // Вопр. философии. 1992. № 1. С. 175–177.
36. *Братусь Б. С.* Аномалии личности [Текст] / Б. С. Братусь. М.: Мысль, 1988. 304 с.
37. *Брожек В.* Марксистская теория оценок [Текст]: пер. со славац. / В. Брожек. М.: Прогресс, 1982. 262 с.
38. *Буева Л. П.* Духовность и проблемы культуры [Текст] / Л. П. Буева // Вопр. философии. 1996. № 2. С. 3–9.
39. *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение [Текст] / Л. П. Буева. М.: Мысль, 1978. 216 с.
40. *Букреев В. И.* Нормативная система (духовный мир человека) [Текст] / В. И. Букреев. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 224 с.
41. *Букреев В. И.* Этика права: от истоков этики и права к мировоззрению [Текст] / В. И. Букреев, И. Н. Римская. М.: Юрайт, 1998. 336 с.
42. *Булгаков С. Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов [Текст] / С. Н. Булгаков. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 590 с.
43. *Быченкова И. А.* Традиции как объект гуманитарного познания [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. А. Быченкова. Новосибирск, 2000. 31 с.
44. *Вальдман И. А.* Трансформация традиционного общественного сознания [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. А. Вальдман. Новосибирск, 2000. 24 с.
45. *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание [Текст]: пер. с англ. / М. Вартофский. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

46. *Васечко В. Ю.* Максима как феномен культуры [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. Ю. Васечко. Ростов н/Д, 2002. 40 с.
47. *Вдовина Н. Р.* Социально-нравственные нормы как регуляторы поведения и деятельности личности [Текст] / Н. Р. Вдовина // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. 2. 254 с.
48. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Протестантские секты и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Атеист. 1928. № 25. С. 6–15.
49. *Вильчинский В. Я.* Соотношение моральных суждений и фактов (Юм и англо-американская «аналитическая» философия) [Текст] / В. Я. Вильчинский // Филос. науки. 1972. № 3. С. 89–97.
50. *Выготский Л. С.* Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. 369 с.
51. *Выготский Л. С.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок [Текст] / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 221 с.
52. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры [Текст] / Г. П. Выжлецов. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999. 185 с.
53. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст]: пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 392 с.
54. *Гайденок П. П.* Бытие и разум [Текст] / П. П. Гайденок // Вопр. философии. 1997. № 7. С. 114–140.
55. *Гараджа В. И.* Мораль и религия [Текст] / В. И. Гараджа // Вопр. философии. 1996. № 2. С. 17–22.
56. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук [Текст]: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
57. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук [Текст]: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
58. *Генон Р.* О смысле «карнавальных» праздников [Текст] / Р. Генон // Вопр. философии. 1991. № 4. С. 45–48.
59. *Генон Р.* Традиция и бессознательное [Текст] / Р. Генон // Вопр. философии. 1991. № 4. С. 51–53.
60. *Гоббс Т.* О человеке [Текст] / Т. Гоббс // Избр. произв.: в 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 583 с.

61. *Годфруа Ж.* Что такое психология [Текст]: пер. с фр.: в 2 т. / Ж. Годфруа. М.: Мир, 1992. Т. 2. 370 с.
62. *Гордяскина И. В.* Моральный выбор: феномен сознания и поведения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. В. Гордяскина. Саранск, 2001. 20 с.
63. *Гранин Ю. Д.* О гносеологическом содержании понятия «оценка» [Текст] / Ю. Д. Гранин // *Вопр. философии.* 1987. № 6. С. 59–72.
64. *Грибакин А. В.* Жизненный путь как социально-историческое утверждение человека [Текст] / А. В. Грибакин. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 200 с.
65. *Грэхэм Л.* Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе [Текст] / Л. Грэхэм. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
66. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1984. 350 с.
67. *Гуренко М. М.* Проблема этической оценки права [Текст] / М. М. Гуренко // *Вопр. философии.* 1970. № 10. С. 178–181.
68. *Гусейнов А. А.* Великие моралисты [Текст] / А. А. Гусейнов. М.: Республика, 1995. 351 с.
69. *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности [Текст] / А. А. Гусейнов. М.: Наука, 1974. 157 с.
70. *Гусейнов А. А.* Этика ненасилия [Текст] / А. А. Гусейнов // *Вопр. философии.* 1992. № 3. С. 72–81.
71. *Гусейнов А. А.* Этика [Текст] / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2004. 472 с.
72. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. М.: Рус. яз., 1979. Т. 2. 779 с.
73. *Даштамиров С. А.* Социальные нормы как объект гносеологического и социологического анализа [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. А. Даштамиров. М., 1985. 37 с.
74. *Двадцать лекций по философии* [Текст] / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров [и др.]. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. 407 с.
75. *Двенадцать лекций по философии* [Текст] / отв. ред. И. Я. Лойфман. Екатеринбург: УрГЮА, 1996. 228 с.

76. Демин В. Н. Русский космизм: от истоков к взлету [Текст] / В. Н. Демин // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 6. С. 3–18.
77. Денисов С. Ф. Рассудок и разум в человеческой активности (философско-антропологическое и гносеологическое осмысление современной духовной ситуации) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. Ф. Денисов. Томск, 1995. 46 с.
78. Денисова Л. В. Догматическое основание метафизических систем [Текст] / Л. В. Денисова. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1999. 243 с.
79. Димитрова С. В. Цель и результат в социальной деятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. В. Димитрова. Волгоград, 1999. 24 с.
80. Древнекитайская философия [Текст]: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. 384 с.
81. Дремина М. И. Бытие истины: структурно-системный аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. И. Дремина. Уфа, 1999. 20 с.
82. Дробницкий О. Г. Понятие морали (историко-критический очерк) [Текст] / О. Г. Дробницкий. М.: Наука, 1974. 388 с.
83. Дробницкий О. Г. Проблема ценности в марксистской философии [Текст] / О. Г. Дробницкий // Вопр. философии. 1966. № 7. С. 33–44.
84. Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности [Текст] / О. Г. Дробницкий. М.: Наука, 1977. 333 с.
85. Дюркгейм Э. Социология [Текст]: пер с фр. / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1995. 349 с.
86. Дюрягин И. Я. Об истинности содержания правоприменительного акта [Текст] / И. Я. Дюрягин // Сов. гос. и право. 1975. № 2. С. 46–51.
87. Ермолаева В. Е. Этика и логика [Текст] / В. Е. Ермолаева // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 78–83.
88. Жельвис В. И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации [Текст] / В. И. Жельвис // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 124–156
89. Завьялов М. Г. Традиция как способ самоидентификации общества [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / М. Г. Завьялов. Екатеринбург, 1997. 142 с.

90. *Запасник С.* Ложь в политике [Текст] / С. Запасник // Филос. науки. 1991. № 8. С. 94–107.
91. *Захарченко М. В.* Типологическая интерпретация понятия традиции [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М. В. Захарченко. СПб., 2002. 44 с.
92. *Зиновьев А. А.* О логике нормативных предложений [Текст] / А. А. Зиновьев // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 111–120.
93. *Зыбковец В. Ф.* Происхождение нравственности [Текст] / В. Ф. Зыбковец. М.: Политиздат, 1974. 126 с.
94. *Ивин А. А.* Деонтическая логика [Текст] / А. А. Ивин // Вопр. философии. 1966. № 12. С. 160–171.
95. *Ивин А. А.* Каузальное определение истины [Текст] / А. А. Ивин // Филос. науки. 1978. № 4. С. 85–93.
96. *Ивин А. А.* Логика норм [Текст] / А. А. Ивин. М.: Изд-во МГУ, 1973. 122 с.
97. *Ивин А. А.* О логике оценок [Текст] / А. А. Ивин // Вопр. философии. 1968. № 8. С. 53–63.
98. *Ивин А. А.* Ценности и понимание [Текст] / А. А. Ивин // Вопр. философии. 1987. № 8. С. 31–43.
99. *Ивлев Ю. В.* Истинность нормы [Текст] / Ю. В. Ивлев // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1969. Вып. 23. С. 96–104.
100. *Ивлев Ю. В.* Основания логики норм [Текст] / Ю. В. Ивлев // Филос. науки. 1969. № 6. С. 70–81.
101. *Идеалы и нормы научного исследования* / В. С. Степин, А. П. Огурцов [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 431 с.
102. *Ильенков Э. В.* Философия и культура [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
103. *Ильин В. В.* Моральные абсолюты в нормативном сознании [Текст] / В. В. Ильин // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1992. № 5. С. 3–16.
104. *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. 622 с.
105. *Ильин И. А.* Понятие права и силы [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. 622 с.
106. *Ильин И. А.* Путь к очевидности [Текст] / И. А. Ильин. М.: Республика, 1993. 430 с.

107. *История политических и правовых учений* [Текст] / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: ИНФРА-М, 1996. 728 с.
108. *История философии* [Текст]: в 7 т. / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского и др. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. 642 с.
109. *Каган М. С. Философская теория ценностей* [Текст] / М. С. Каган. СПб.: Петрополис, 1997. 206 с.
110. *Каган М. С. Человеческая деятельность* [Текст] / М. С. Каган. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
111. *Канарш Г. Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма* [Текст] / Г. Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 102–110.
112. *Кант И. Критика практического разума* [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
113. *Кант И. Критика способности суждения* [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.
114. *Кант И. Метафизика нравов* [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. 478 с.
115. *Кант И. Основы метафизики нравственности* [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
116. *Кант И. Трактаты и письма* [Текст] / И. Кант. М.: Наука, 1980. 709 с.
117. *Кашин Д. О. Социокультурные факторы устойчивости общества* [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. О. Кашин. Томск, 1999. 20 с.
118. *Кветной М. С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы* [Текст] / М. С. Кветной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 224 с.
119. *Кирияева М. А. Нравственная норма – гуманизм* [Текст] / М. А. Кирияева. М.: Знание, 1989. 89 с.
120. *Киютин Т. Н. Методологические проблемы детерминации оптимизированной человеческой деятельности* [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. Н. Киютин. Красноярск, 2000. 16 с.
121. *Кладько С. С. К концепции конвергенции нормативно-ценностных пространств в европейской культуре* [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. С. Кладько. М., 2000. 32 с.
122. *Кобляков В. П. Об истинности моральных суждений* [Текст] / В. П. Кобляков // Вопр. философии. 1968. № 5. С. 61–71.

123. Кондаков Н. И. Логический словарь [Текст] / Н. И. Кондаков. М.: Наука, 1971. 658 с.
124. Конев В. А. Философия культуры и парадигмы философского мышления [Текст] / В. А. Конев // Филос. науки. 1991. № 6. С. 16–29.
125. Коран [Текст] / пер. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1990. 727 с.
126. Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура [Текст] / В. Ф. Кормер // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 60–75.
127. Кормер В. Ф. О карнавализации как генезисе «двойного сознания» [Текст] / В. Ф. Кормер // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 166–185.
128. Корольков А. А. О понимании нормы в биологии и медицине [Текст] / А. А. Корольков // Философские вопросы современной биологии. М.; Л.: ЛГУ, 1966. 226 с.
129. Коршунов А. М. Диалектика социального познания [Текст] / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. М.: Политиздат, 1988. 382 с.
130. Крапивенский С. Э. Социальная философия [Текст] / С. Э. Крапивенский. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 352 с.
131. Краткий словарь по эстетике [Текст] / под ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
132. Кувшинов И. С. Философский анализ гносеологических аспектов правовой реальности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. С. Кувшинов. Магнитогорск, 2002. 18 с.
133. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1982. 287 с.
134. Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение [Текст] / В. Н. Кудрявцев // Сов. гос. и право. 1980. № 2. С. 10–18.
135. Кузьмин М. Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека [Текст] / М. Н. Кузьмин // Вопр. философии. 1997. № 2. С. 57–70.
136. Кун Т. Структура научных революций [Текст]: пер. с англ. / Т. Кун. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
137. Кутасова И. М. Наука и обоснование норм нравственности [Текст] / И. М. Кутасова // Филос. науки. 1978. № 4. С. 65–75.
138. Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве [Текст] / В. В. Лапаева. М.: Юрид. лит., 1987. 143 с.

139. *Ларошфуко Ф. де* Максимы и размышления [Текст] / Ф. де Ларошфуко // Франсуа де Ларошфуко, Блез Паскаль, Жан де Лабрюйер. Суждения и афоризмы. М.: Политиздат, 1990. 384 с.
140. *Латино-русский словарь* [Текст] / сост. А. М. Малинин. М.: Изд-во иностр. и нац. слов., 1952. 764 с.
141. *Латинов А. Д.* Власть как социальный феномен и формы ее истинности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. Д. Латипов. Уфа, 2001. 18 с.
142. *Лейбниц Г.-В.* О предопределенности [Текст] / Г.-В. Лейбниц // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
143. *Ленин В. И.* Философские тетради [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29.
144. *Ленинская теория отражения.* Ценностные аспекты отражения [Текст]. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. 125 с.
145. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
146. *Леонтьев А. Н.* Культура, поведение и мозг человека [Текст] / А. Н. Леонтьев // Вопр. философии. 1968. № 7. С. 50–56.
147. *Леонтьев Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д. А. Леонтьев // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 15–26.
148. *Лесков А. В.* Регулируемое развитие России: принцип хрупкости хорошего [Текст] / А. В. Лесков // Обществ. науки и соврем. 1996. № 5. С. 142–151.
149. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Текст]. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
150. *Лобовиков В. О.* Формализация деятельности (оценки и нормы) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. О. Лобовиков. Свердловск, 1990. 40 с.
151. *Локк Д.* Мысли о воспитании [Текст] / Д. Локк // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 670 с.
152. *Локк Д.* О пользовании разумом [Текст] / Д. Локк // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1960. Т. 2. 532 с.
153. *Лоренц К.* Агрессия (Так называемое Зло) [Текст] / К. Лоренц // Вопр. философии. 1992. № 3. С. 5–38.
154. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества [Текст] / К. Лоренц // Вопр. философии. 1992. № 3. С. 39–53.

155. Лосев А. Ф. Из ранних произведений [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Правда, 1990. 655 с.
156. Лосев А. Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития [Текст]: в 2 т. / А. Ф. Лосев. М.: Искусство, 1992. Т. 1. 656 с.
157. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Искусство, 1976. 367 с.
158. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Политиздат, 1991. 524 с.
159. Лосский Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский. М.: Республика, 1994. 432 с.
160. Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь (Гл. VI. Переход от теории к метафизике) [Текст] / Н. О. Лосский // Филос. науки. 1991. № 4. С. 106–130.
161. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра [Текст] / Н. О. Лосский. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
162. Лучанкин А. И. Идеал и утопия: проблемы социопозитики праздника [Текст] / А. И. Лучанкин // Идеальное как продукт исторического развития человечества. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С. 71–87.
163. Любутин К. Н. Западная философская антропология: от Фейербаха к Фромму [Текст] / К. Н. Любутин, А. В. Грибакин. Екатеринбург: УрГЮА, 1994. 160 с.
164. Майерс Д. Социальная психология [Текст]: пер. с англ. / Д. Майерс. СПб.: Питер Ком, 1999. 688 с.
165. Макаш М. К. К вопросу о моральной оценке [Текст] / М. К. Макаш // Вопр. философии. 1975. № 9. С. 99–106.
166. Макконнелл К. Экономикс: принципы, проблемы и политика [Текст]: пер. с англ.: в 2 т. / К. Макконнелл, С. Брю. М.: Республика, 1992. Т. 2. 400 с.
167. Максимов А. М. Природа человека и его свобода (эволюция проблемы в истории западноевропейской светской и религиозной мысли) [Текст] / А. М. Максимов, А. С. Чупров. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. 192 с.
168. Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика [Текст] / Н. С. Малеин // Гос. и право. 1996. № 6. С. 12–19.
169. Малинова И. П. Философия права [Текст] / И. П. Малинова. Екатеринбург: УрГЮА, 1995. 128 с.

170. *Малкольм Н.* Состояние сна [Текст] / Н. Малкольм. М.: Прогресс, 1993. 176 с.
171. *Мандевиль.* Басня о пчелах [Текст] / Мандевиль. М.: Мысль, 1974. 376 с.
172. *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры [Текст] / Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1973. 145 с.
173. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.
174. *Маркс К.* Капитал [Текст]: Т. I / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44.
175. *Мартишина Н. И.* Коммуникация как основание социального бытия [Текст] / Н. И. Мартишина // Основания социального бытия / Рос. филос. о-во. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. С. 116–122.
176. *Математическая энциклопедия* [Текст]: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1977. Т. 1. 1151 с.
177. *Математический энциклопедический словарь* [Текст]. М.: Сов. энцикл., 1988. 647 с.
178. *Местр Ж.* Рассуждения о Франции. Глава 6. О божественном влиянии в политических конституциях [Текст] / Ж. Местр // Полис. 1997. № 2. С. 140–147.
179. *Микро-, макроэкономика* [Текст]: практикум / под общ. ред. Ю. А. Огибина. СПб.: Литера плюс: С.-Петерб. оркестр, 1994. 432 с.
180. *Миллер Дж.* Планы и структура поведения [Текст]: пер. с англ. / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. М.: Прогресс, 1965. 238 с.
181. *Мировоззрение и культура* [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. В. В. Кима. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. 384 с.
182. *Мирошников Ю. И.* Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ю. И. Мирошников. Екатеринбург, 2000. 34 с.
183. *Мирошников Ю. И.* Аксиологическая структура социокультурной коммуникации [Текст] / Ю. И. Мирошников. Екатеринбург: Банк культ. информ., 1998. 114 с.
184. *Мирошников Ю. И.* Аксиологические основы структурной упорядоченности культуры [Текст] / Ю. И. Мирошников // Гуманитарные исследования. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999. Вып. 4, кн. 2. 235 с.

185. Мокроносов Г. В. Общественные отношения, интересы, мотивы [Текст] / Г. В. Мокроносов, А. М. Мосоров, В. Е. Кемеров. Свердловск: Изд-во УПИ, 1971. 116 с.
186. Момджян К. Х. Социум. Общество. История [Текст] / К. Х. Момджян. М.: Наука, 1994. 238 с.
187. Момов В. Норма и мотив поведения [Текст] / В. Момов // Вopr. философии. 1972. № 8. С. 49–53.
188. Монтень М. Опыты [Текст] / М. Монтень. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 558 с.
189. Мораль: сознание и поведение [Текст] / отв. ред. Н. В. Голловко. М.: Наука, 1986. 207 с.
190. Моральный выбор [Текст] / под общ. ред. А. И. Титаренко. М.: Изд-во МГУ, 1980. 344 с.
191. Моторина Л. Е. Гносеологический анализ бессознательного [Текст] / Л. Е. Моторина // Филос. науки. 1978. № 3. С. 159–162.
192. Мотрошилова Н. В. К проблеме научной обоснованности норм [Текст] / Н. В. Мотрошилова // Вopr. философии. 1978. № 7. С. 110–123.
193. Мусиенко Т. В. Демократические и религиозные ценности: проблемы конфликтности и нетолерантности [Текст] / Т. В. Мусиенко // Религия и гражданское общество: проблема толерантности: материалы круглого стола, 16 нояб. 2002 г. СПб.: С-Петербург. филос. о-во, 2003. С. 27–36.
194. Мушинский В. О. Основы правоведения [Текст] / В. О. Мушинский. М.: Междунар. отношения, 1994. 299 с.
195. Мушинский В. О. Правовое государство и правопонимание [Текст] / В. О. Мушинский // Сов. гос. и право. 1990. № 2. С. 20–32.
196. Назаретян А. П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс [Текст] / А. П. Назаретян // Вopr. философии. 1992. № 3. С. 82–94.
197. Налимов В. В. Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в 21 веке [Текст] / В. В. Налимов // Вopr. философии. 1996. № 11. С. 65–74.
198. Неновски Н. Право и ценности [Текст]: пер. с болг. / Н. Неновски. М.: Прогресс, 1987. 248 с.
199. Нерсесянц В. С. История идей правовой государственности [Текст] / В. С. Нерсесянц. М.: Б.и., 1993. 150 с.

200. *Нерсисянц В. С.* Право в системе социальной регуляции [Текст] / В. С. Нерсисянц. М.: Знание, 1986. 63 с.
201. *Ницше Ф.* Генеалогия морали [Текст] / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
202. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев. М.: Пресса, 1991. 640 с.
203. *Нуйкин А. А.* Истинностная и ценностная компоненты познания [Текст] / А. А. Нуйкин // Вопр. философии. 1988. № 5. С. 68–81.
204. *Общая теория государства и права* [Текст] / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юрист, 1997. 471 с.
205. *Ойзерман Т. И.* Существуют ли абстрактные истины? [Текст] / Т. И. Ойзерман // Вопр. философии. 1999. № 6. С. 13–25.
206. *Омаров А. М.* Социальное управление: некоторые вопросы теории и практики [Текст] / А. М. Омаров. М.: Мысль, 1980. 269 с.
207. *Опалев Л. В.* Нравственно ли нравственно допустимое поведение? [Текст] / Л. В. Опалев // Филос. науки. 1992. № 3. С. 167–176.
208. *Орлов Б. В.* Духовные ценности: проблема отчуждения [Текст] / Б. В. Орлов, Н. К. Эйнгорн. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. 184 с.
209. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Вопр. философии. 1989. № 4. С. 114–155.
210. *Основания индивидуального бытия* [Текст] / Рос. филос. о-во и др. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. 144 с.
211. *Парамонова С. П.* Динамика морального сознания [Текст] / С. П. Парамонова. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1997. 209 с.
212. *Пеньков Е. М.* Социальные нормы – регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории [Текст] / Е. М. Пеньков. М.: Мысль, 1972. 198 с.
213. *Пеньков Е. М.* Социальные нормы: управление, воспитание, поведение [Текст] / Е. М. Пеньков. М.: Высш. шк., 1990. 175 с.
214. *Петленко В. П.* Норма как психофизиологический оптимум живой системы [Текст] / В. П. Петленко, Г. И. Царегородский // Философия медицины. Киев: Б. и., 1979. 194 с.
215. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии [Текст] / Л. И. Петражицкий. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1907. 331 с.
216. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности [Текст] / Л. И. Петражицкий. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

217. *Платон*. Кратил [Текст] / Платон // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 623 с.
218. *Платон*. Федон [Текст] Платон // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 589 с.
219. *Плахов В. Д.* Социальные нормы. Философские основания общей теории [Текст] / В. Д. Плахов. М.: Мысль, 1985. 253 с.
220. *Победа Н. А.* Духовные потребности и реальное поведение [Текст] / Н. А. Победа. Кишинев: Штиинца, 1990. 116 с.
221. *Подкорытов В. А.* Система социальной регуляции как фактор жизнепостроения индивида [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / В. А. Подкорытов. Екатеринбург, 1998. 137 с.
222. *Попов В. И.* Социальный контроль и личность: нормативная регуляция деятельности [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / В. И. Попов. Свердловск, 1985. 126 с.
223. *Поппер К.* Открытое общество и его враги [Текст]: в 2 т. / К. Поппер. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс: Культ. инициатива, 1992. 448 с.
224. *Поппер К.* Открытое общество и его враги [Текст]: в 2 т. / К. Поппер. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс: Культ. инициатива, 1992. 525 с.
225. *Поросенков С. В.* Социальные нормы как форма отражения действительности [Текст] / С. В. Поросенков // Филос. науки. 1981. № 5. С. 138–141.
226. *Проблема ценности в философии* [Текст]. М.; Л.: Политиздат, 1966. 212 с.
227. *Пронин С. Л.* Ценностные основания человеческой деятельности (мораль, политика, наука) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. Л. Пронин. М., 1998. 16 с.
228. *Психологические проблемы социальной регуляции поведения* [Текст]. М.: Наука, 1976. 368 с.
229. *Пэнто Р.* Методы социальных наук [Текст]: пер. с фр. / Р. Пэнто, М. Гравитц. М.: Прогресс, 1972. 607 с.
230. *Радхакришнан С.* Индийская философия [Текст]: в 2 т.: пер. с англ. / С. Радхакришнан М.: Изд-во иностр. лит., 1956. Т. 1. 623 с.
231. *Развитие как регулятивный принцип* [Текст] / отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 101 с.
232. *Разумович Н. Н.* Источники и формы права [Текст] / Н. Н. Разумович // Сов. гос. и право. 1998. № 4. С. 28–35.

233. Райт Г. Х. Модальная логика местоположений [Текст] / Г. Х. Райт // Филос. науки. 1977. № 6. С. 112–119.
234. Рикер П. Человек как предмет философии [Текст] / П. Рикер // Вопр. философии. 1989. № 2. С. 41–50.
235. Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности [Текст] / Г. Риккерт // Логос: в 2 кн. СПб.: Образование, 1912. Кн. 1. С. 44–58.
236. Роднов Л. Н. Разум и нравственность в единстве сознания [Текст] / Л. Н. Роднов // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 3. С. 16–28.
237. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
238. Ролз Д. Теория справедливости [Текст]: пер. с англ. / Д. Ролз. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 536 с.
239. Рорти А. Царь Соломон и простолюдин: проблема согласования конфликтных моральных ситуаций [Текст] / А. Рорти // Вопр. философии. 1994. № 6. С. 98–110.
240. Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми [Текст] / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. С. 128–154.
241. Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества [Текст] / М. Н. Руткевич // Социс. 1997. № 7. С. 3–10.
242. Ручка А. А. Социальные ценности и нормы [Текст] / А. А. Ручка. Киев: Наук. думка, 1976. 152 с.
243. Савва Е. В. Русская соционормативная культура в философии серебряного века [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Савва. Краснодар, 2000. 27 с.
244. Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности [Текст] / В. Н. Сагатовский // Понятие деятельности в философской науке. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 115–125.
245. Сагатовский В. Н. Ценность и смысл [Текст] / В. Н. Сагатовский // Филос. науки. 1987. № 10. С. 105–106.
246. Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции [Текст] / К. С. Сарингулян // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 33–37.
247. Сарингулян К. С. Проблемы определения и видовой классификации норм культуры [Текст] / К. С. Сарингулян // Философские проблемы культуры. Тбилиси: Мецнераба, 1980. С. 104–116.

248. *Святохина Г. Б.* Социальная справедливость: актуальные проблемы и пути их решения в современном российском обществе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. Б. Святохина. Уфа, 1998. 18 с.

249. *Семененко И. И.* Афоризмы Конфуция [Текст] / И. И. Семененко. М.: Изд-во МГУ, 1987. 299 с.

250. *Симонов В. П.* Анатомия совести [Текст] / В. П. Симонов // Человек. 1990. № 5. С. 14–20.

251. *Скоробогатская С. И.* Справедливость как социокультурный идеал [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. И. Скоробогатская. Ростов н/Д, 2001. 20 с.

252. *Словарь* иностранных слов [Текст]. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.

253. *Словарь* по этике [Текст] / под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1983. 445 с.

254. *Словарь* современного русского литературного языка [Текст]: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7. 1468 с.

255. *Служевская Т. Л.* Уроки русской словесности [Текст] / Т. Л. Служевская. СПб.: Тускарора, 1994. 246 с.

256. *Смирнов Ю. Б.* Эволюция и особенности ценностно-нормативных ориентаций западноевропейской и российской ментальности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. Б. Смирнов. М., 1995. 25 с.

257. *Смирнова О. Ю.* Нравственные ценности в конфликте культур [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О. Ю. Смирнова. М., 2001. 34 с.

258. *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал [Текст] / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 895 с.

259. *Соловьев Э. Ю. И.* Кант: Взаимодополнительность морали и права [Текст] / Э. Ю. Соловьев. М.: Наука, 1992. 210 с.

260. *Спиноза Б.* Этика [Текст] / Б. Спиноза // Избр. произв.: в 2 т. М., 1957. Т. 1. 727 с.

261. *Сподынюк Е. Э.* Социально-философский анализ справедливости и законности: опыт сопоставительного исследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. Э. Сподынюк. Ставрополь, 2001. 28 с.

262. *Стекланникова С. В.* Совесть как социокультурный регулятив [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. В. Стекланникова. Ростов н/Д, 2001. 23 с.

263. *Степанова И. Н.* Духовность как качество личности и проблема ее воспитания [Текст] / И. Н. Степанова, С. М. Шалютин. Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2004. 155 с.
264. *Столович Л. Н.* Красота. Добро. Истина. Очерк эстетической аксиологии [Текст] / Л. Н. Столович. М.: Республика, 1994. 464 с.
265. *Столович Л. Н.* Природа эстетической ценности [Текст] / Л. Н. Столович. М.: Политиздат, 1972. 271 с.
266. *Судакова А. К.* Любовь к жизни и запрет самоубийства в кантианской метафизике нравов [Текст] / А. К. Судакова // *Вопр. философии.* 1996. № 8. С. 54–65.
267. *Титаренко А. И.* Структура нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования [Текст] / А. И. Титаренко. М.: Мысль, 1974. 278 с.
268. *Титов В. А.* «Истинны» или «значимы» нормы и оценки [Текст] / В. А. Титов // *Филос. науки.* 1971. № 5. С. 41–49.
269. *Толкачев В. В.* Традиция как феномен культуры: философский анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. В. Толкачев. Ставрополь, 1999. 26 с.
270. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права [Текст] / Е. Н. Трубецкой. СПб.: Лань: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1999. 218 с.
271. *Тугаринов В. П.* Теория ценностей в марксизме [Текст] / В. П. Тугаринов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 124 с.
272. *Урванцев Б. А.* Бегство от хаоса, или Как при помощи стандартов человек достигает порядка и совершенства [Текст] / Б. А. Урванцев. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. 120 с.
273. *Урванцев Б. А.* Философско-социологические аспекты стандартизации [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / Б. А. Урванцев. Свердловск, 1983. 144 с.
274. *Фабело Х. Р.* Проблема истинности оценки [Текст] / Х. Р. Фабело // *Вопр. философии.* 1984. № 7. С. 115–121.
275. *Федотов Н. Г.* К вопросу о нормах в искусстве и эстетическом восприятии [Текст] / Н. Г. Федотов // *Филос. науки.* 1973. № 5. С. 69–74.
276. *Философская энциклопедия* [Текст]: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1963. Т. 2. 815 с.
277. *Философский энциклопедический словарь* [Текст]. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.

278. Франк С. Л. Духовные основы общества [Текст] / С. Л. Франк. М.: Республика, 1992. 510 с.
279. Франк С. Л. Философские предпосылки деспотизма [Текст] / С. Л. Франк // *Вопр. философии*. 1992. № 3. С. 114–127.
280. Франц А. Б. Мораль и власть (полемиические заметки) [Текст] / А. Б. Франц // *Филос. науки*. 1992. № 3. С. 3–10.
281. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет [Текст]: пер. с фр. / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. 448 с.
282. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность [Текст]: лекции и интервью / Ю. Хабермас. М.: Наука, 1992. 175 с.
283. Хабермас Ю. Познание и интерес [Текст] / Ю. Хабермас // *Филос. науки*. 1990. № 1. С. 90–99.
284. Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем [Текст] / Я. З. Хайкин. М.: Высш. шк., 1972. 279 с.
285. Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке [Текст] / Р. О. Халфина // *Сов. гос. и право*. 1974. № 9. С. 38–44.
286. Холостова Т. В. Моральная оценка и ее особенности [Текст] / Т. В. Холостова // *Вопр. философии*. 1968. № 4. С. 93–103.
287. Хонин С. М. Индивид как субъект жизнедеятельности [Текст] / С. М. Хонин. Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та. Куйбышев. фил., 1990. 164 с.
288. Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения [Текст] / А. Ф. Черданцев // *Правоведение*. 1973. № 2. С. 44–50.
289. Чернякова Н. С. Ценностная природа истины [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Н. С. Чернякова. М., 1995. 32 с.
290. Шалютин С. М. Заметки о выбирающей личности [Текст] / С. М. Шалютин // *Человек и цивилизации: аксиологический аспект*. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1992. С. 12–21.
291. Шамшурин В. И. Социология, менеджмент и публично-правовое регулирование [Текст] / В. И. Шамшурин // *Социс*. 1997. № 4. С. 145–149.
292. Шарипов Р. А. Критерий истины в социальном познании [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. А. Шарипов. Уфа, 2000. 29 с.
293. Шердаков В. Н. Свобода и справедливость [Текст] / В. Н. Шердаков // *Свобода и справедливость. Диалог мировоззрений: материалы*

симпоз., 12–13 мая 1993 г. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993. С. 91–94.

294. *Шихирев П. Н.* Исследования стереотипа в американской социальной науке [Текст] / П. Н. Шихирев // *Вопр. философии.* 1971. № 5. С. 74–89.

295. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости [Текст] / А. Шопенгауэр // *Гуревич П. С. Этика Артура Шопенгауэра.* М.: Знание, 1991. С. 123–128.

296. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление [Текст] / А. Шопенгауэр // *Гуревич П. С. Этика Артура Шопенгауэра.* М.: Знание, 1991. С. 35–74.

297. *Шрейдер Ю. А.* Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания [Текст] / Ю. А. Шрейдер // *Психологические механизмы регуляции социального поведения.* М.: Наука, 1979. С. 270–286.

298. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 20.

299. *Эстетика* [Текст]: слов. / под общ. ред. А. А. Беляева. М.: Политиздат, 1989. 445 с.

300. *Этнические стереотипы поведения* [Текст] / под ред. А. К. Байбурина Л.: Наука, 1985. 325 с.

301. *Этциони А.* Политические процессы и моральные побуждения [Текст] / А. Этциони // *Вопр. философии.* 1995. № 10. С. 72–84.

302. *Эшби У. Р.* Конструкция мозга: Происхождение адаптивного поведения человека [Текст]: пер. с англ. / У. Р. Эшби. М.: Мир, 1964. 412 с.

303. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки [Текст] / Э. Г. Юдин. М.: Наука, 1978. 391 с.

304. *Юм Д.* О норме вкуса [Текст] / Д. Юм // *Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 928 с.*

305. *Юм Д.* Скептик [Текст] / Д. Юм // *Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 928 с.*

306. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам [Текст] / Д. Юм // *Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 847 с.*

307. *Якобс В.* Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика [Текст] / В. Якобс // *Вопр. философии.* 1994. № 1. С. 102–110.

308. Яковлев А. М. Право и объективные социальные нормы [Текст] / А. М. Яковлев // «Труды» ВНИИСЗ. М., 1974. Т. 1. 814 с.
309. *Durkheim E.* Professional Ethics and Civic Morals [Text] / E. Durkheim. L.-N. Y.: Routledge, 1992. 346 p.
310. *Gupta A.* Truth and Paradox [Text] / A. Gupta // Journal of Philosophical Logic. 1982. № 11. P. 1–60.
311. *Kripke S.* Outline of a Theory of Truth [Text] / S. Kripke // Journal of Philosophy. 1975. № 72. P. 690–716.
312. *Rawls J.* Political Liberalism [Text] / J. Rawls. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1993. 515 p.
313. *Tarski A.* The Semantic Conception of Truth [Text] / A. Tarski // Semantics and the Philosophy of language / Ed. by L. Linsky. L., 1952. P. 13–47.

Оглавление

Предисловие.....	3
Введение	5
Глава 1. Онтология нормы	10
§ 1. Понятие «норма»: основные подходы к смыслу.....	11
§ 2. Соотношение понятия «норма» с родственными понятиями.....	22
§ 3. Место нормативного в деятельности человека	26
§ 4. Проблема классифицирования норм	31
§ 5. Типология норм	34
§ 6. Противоречивость бытия нормы в контексте культуры.....	43
Глава 2. Гносеологическая специфика нормы	54
§ 1. Познавательный характер нормы	54
§ 2. Соотношение истинности, правильности и праведности как возможных характеристик нормы.....	55
§ 3. Адекватность и норма.....	61
§ 4. Адекватность нормы: гносеологические аспекты взаимосвязи должного и сущего	65
§ 5. Проблема истинности нормативного высказывания в логике норм	68
§ 6. Проблема критерия оценки нормативного	73
§ 7. Адекватность нормы как социокультурного феномена	78
§ 8. Норма как критерий оценки	86
§ 9. Адекватность нормы как ценностного эквивалента: верификация или фальсификация?.....	88
Заключение.....	97
Библиографический список.....	100

Научное издание

Попова Елена Валентиновна

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ
СПЕЦИФИКА НОРМЫ

Монография

Редактор Л. И. Кузнецова
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 16.10.08. Формат 60×84/16. Бумага для множ.
аппаратов. Усл. печ. л. 6,2. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педа-
гогический университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Отпечатано в ООО "ТРИКС"
Свердловская обл., г. Верхняя Пышма, ул. Феофанова, 4.

